КОЛБАСНИКИ и БОРОДАЧИ.

ГЛАВА I.

Колбасникъ изъ нѣмцевъ.

Въ губернскомъ городѣ Тугаринѣ, въ которомъ, какъ вы вѣроятно знаете, считается до пятидесяти тысячъ жителей, — въ Тугаринѣ издавна поселился искусный и доблестный колбасникъ, родомъ изъ Брауншвейга. Его звали Вилимъ Карловичъ Тофельсъ. Онъ изучилъ науку или искусство свое не только на родинѣ, но между прочимъ также въ Гамбургѣ и ѣздилъ въ Англію для окончательнаго образованія своего по этой важной части. Изъ этого, догадливые читатели усмотрятъ, что образованіе его было не одностороннее, не ограничивалось умѣньемъ изготовить хорошую окрошку и начинку для разнаго рода колбасъ и состряпать студень и два–три холодныхъ, — но что Вилимъ

Карловичъ былъ ученый нѣмецкій мясникъ, въ полномъ смыслѣ слова, который смотрѣлъ на искусство бить скотину, снимать съ нея кожу, очищать, пластать и рубить стегно, какъ на науку, и который зналъ всякую тонкость въ обхожденіи съ мясомъ и всѣ роды приготовленія его, какъ только можетъ человѣкъ знать предметъ, основательно имъ изученный.

Вилимъ Карловичъ, почти обрусѣвшій и нажившій въ Тугаринѣ порядочное состояніе и трехъ дочерей, смотрѣлъ однако же съ большимъ состраданіемъ и презрѣніемъ на мясниковъ нашихъ, не называя ихъ иначе, какъ шиндерами, т. е. живодёрами, недостойными прикоснуться непосвященными руками своими ни къ живой скотинѣ, ни къ куску мяса, которое люди будутъ ѣсть. Онъ утверждалъ, что они бить скотины не умѣютъ, а измучивъ и напугавъ ее напередъ, портятъ у нее кровь и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасное мясо; что они рѣзать не умѣютъ, никогда не перерѣзываютъ съ перваго раза сонныхъ жилъ, не зная даже гдѣ ихъ искать, и

такимъ образомъ не спускаютъ вдругъ всей крови, отъ чего мясо дѣлается чернымъ, грубымъ и въ солонинѣ скоро портится. Онъ увѣрялъ, что ни одинъ мясникъ нашъ не умѣетъ снять шкуры съ вола, не сбавивъ съ нея нѣсколько рублей цѣнности, и доказывалъ это счетными книгами своими, по которымъ видно было, что Вилимъ точно продавалъ шкуры своей съёмки гораздо дороже. У нѣмца на все инструментъ есть; а мы снимаемъ шкуру простымъ, острымъ ножемъ, выхватываемъ тутъ и тамъ по клочку мездры, и шкура испорчена. Строго держась своихъ правилъ, педантъ Вилимъ могъ наговорить вамъ такую пропасть о неопрятности нашихъ мясниковъ, о дурномъ хозяйствѣ ихъ, незнанiи дѣла, о порчѣ ими всякой, даже и лучшей, говядины, о варварской выборкѣ ими почечнаго сала, и проч. и проч., что даже гадко становилось его слушать, потому–что говядина изъ мясныхъ рядовъ рѣшительно опротивитъ, и бывало, съ нетерпѣнiемъ ожидаешь заключенiя цѣлаго разсужденiя, которое всегда оканчивалось тѣмъ, что

Тофельсъ называлъ земляковъ нашихъ живодёрами и салотопниками, а мясниками онъ не соглашался называть ихъ ни за что на свѣтѣ. «Скорѣе» говорилъ онъ, «я самъ сложу съ себя честное званіе свое, чѣмъ покривить душою и назвать салотопниковъ мясниками. Это двѣ вещи разныя!»

Кромѣ этого, такъ сказать, общаго предмета, который нерѣдко сгонялъ краску съ лица Тофельса, былъ для него въ Россіи еще другой недостатокъ мѣстности, но болѣе частный, который не относился до всего нашего любезнаго отечества, а собственно до губернскаго города Тугарина. Почти ежедневно отъ этого предмета бросало Тофельса въ ознобъ и въ жаръ, а иногда даже въ потъ. Много перенесъ онъ горя и досады, въ теченіе какихъ нибудь двадцати лѣтъ, и безпрестанно былъ на сторожѣ противъ угрожающаго ему зла, день за день принималъ новыя мѣры, обдумавъ ихъ напередъ хорошенько въ теченіи безсонной ночи, но мало видѣлъ успѣха: зло, которое его безпокоило, была стоглавая гидра, и вмѣсто одной отсѣченной

головы, немедленно выростала на ней другая, а иногда даже и по двѣ вдругъ. Надобно объяснить это подробнѣе, потому–что предметъ нѣсколько запутанъ и необходимо требуетъ мѣстныхъ свѣдѣній.

Заведеніе Тофельса, пріобрѣтенное имъ давно уже въ вѣчное и потомственное владѣніе, состояло изъ порядочнаго жилаго дома, тыломъ къ рѣкѣ, изъ разныхъ ухожей и пристроекъ къ нему на дворѣ, и наконецъ изъ порядочнаго сада съ огородомъ, примыкающими къ рѣкѣ. Все было устроено по хозяйски, и даже враги Тофельса должны были согласиться въ томъ, что порядокъ и опрятность у него въ домѣ примѣрные, хотя и старались обойти это невольное признаніе насмѣшкой, назвавъ такую опрятность нѣмецкою. Съ улицы внизу, устроена была образцовая мясная и колбасная лавка, гдѣ все было убрано ежедневно съ утра свѣжею зеленью, особенно петрушкой, и бѣлыми, чистыми полотнами. Крови нигдѣ и слѣда не было видно: точно Тофельсъ умѣлъ спускать ее всю; а духоты, столь знакомой намъ по

нашимъ мяснымъ рядамъ, и подавно. Въ лавкѣ обыкновенно былъ самъ Тофельсъ въ бѣломъ колпакѣ и передникѣ, или жена его, въ такомъ же чепчикѣ, бѣлоснѣжномъ передникѣ и короткихъ рукавахъ; а при нихъ одна или двѣ изъ дочерей. Не смотря на то, что они всѣ возились весь день съ сырымъ мясомъ, они были удивительно чисты и опрятны. Нѣмцы, что и говорить! Во второмъ ярусѣ, были жилые покои; на дворѣ коровники, конюшни, свинарни, овечьи закуты, птичники и даже голубятни. Садъ и огородъ, обработанный руками матери и дочерей, былъ первый въ Тугаринѣ, и въ мясной лавкѣ Тофельса продавались также молоко, сливки, масло, яйца, зелень и плоды всякаго рода. Этимъ занимались дѣвушки.

Но рядомъ съ образцовымъ заведеніемъ Тофельса, дворъ–о–дворъ, стояла проклятая аптека — сущій адъ для бѣднаго колбасника, источникъ всѣхъ бѣдъ его и огорченій. Въ былыя времена, когда еще Вилимъ Карловичъ не успѣлъ обстроиться хорошенько и обеспечить себя со стороны

ядовитыхъ зелій китайскою стѣною, аптекарскіе школьники похищеніями своими приводили Тофельса въ такое же отчаяніе, какъ приводятъ иногда добрую хозяйку крысы, если возьмутъ верхъ и одолѣютъ всѣ человѣческія усилія. Но послѣднія пять, шесть лѣтъ, когда дѣвочки у Тофельса подросли и, къ несчастію, всѣ три стали прехорошенькія, а школьники аптекарскіе также не отстали отъ нихъ въ ростѣ, да еще безтолковый аптекарь набралъ полдюжины какихъ–то новыхъ болвановъ, гезелей, подгезелей, провизорскихъ помощниковъ, подлаборантовъ, рецептурныхъ бухгалтеровъ, — то бѣдному Тофельсу рѣшительно не стало отъ нихъ житья. Бывало, Вилимъ Карловичъ только что подкараулитъ дерзкихъ наступателей, которые, перелѣзши черезъ заборъ вплоть у самаго дома, украдутъ голубя или пару яицъ, и только что загородитъ проломъ новой задѣлкой, въ родѣ щита, такъ, глядь, палисадникъ разобранъ надъ рѣкой и ночной набѣгъ на огурцы и картофель

произвелъ совершенное опустошеніе въ огородѣ. Однимъ словомъ, бѣдный Тофельсъ не успѣвалъ затыкать пробоины подводной части своего осѣдлаго ковчега и надѣлывать на немъ борты, чтобъ оборониться отъ внезапной течи и удержать всплески бурныхъ валовъ, какъ уже новые набѣги, то съ той, то съ другой стороны, то сверху, то снизу, требовали новыхъ заботъ и усилій для обороны. Если нельзя было перескочить черезъ заборъ, то школьники пролѣзали гдѣ нибудь съ боку, или подползали приподнявъ доску; если же не было и для этого удобнаго мѣста, то негодяи вылѣзали въ слуховое окно на кровлю аптекарскаго сарая, а оттуда спускались преудобно на сосѣднюю кровлю колбасницкой коптильни. Нельзя сказать, чтобъ Вилимъ Карловичъ былъ въ дурныхъ сношеніяхъ съ аптекаремъ, своимъ сосѣдомъ; напротивъ того, аптекарей перемѣнилось уже трое или четверо, — все нѣмцы и все добрые пріятели Тофельса; но всѣ они были какіе–то безтолковые чудаки, которые за устройство порядка между

подчиненными своими принимались лѣвшой и никакъ не могли съ ними справиться. Вы знаете, что у каждаго аптекаря есть свой конекъ, и что всѣ они смотрятъ на свѣтъ и дѣла его сквозь горькую микстуру, или сквозь бутыль мутнаго стекла, или же сквозь полупрозрачный, разноцвѣтный леденецъ; — такой невѣрный взглядъ лишаетъ сословіе это большею частію всякой житейской обходительности. Это обыкновенно замѣтно и по наружности такихъ аптекарей; отъ нихъ не только издали несетъ ревенемъ, цытварнымъ сѣменемъ и сѣрной печенкой, но ухватки и пріемы ихъ какъ–то нелюдскіе. Первый изъ трехъ аптекарей, послѣдовательныхъ сосѣдей Тофельса, былъ рыжій, со щетинистыми волосами, въ огромныхъ веснушкахъ, и притомъ сгибалъ на ходу колѣни и носилъ локти на отлетѣ, точно будто готовъ во всякое время пуститься въ присядку. Второй былъ съ такимъ изъянцемъ, что изъ рукъ вонъ: красный носъ съ набалдашникомъ, какъ у арзамасскаго гуся, а впрочемъ — бочка, во

всѣхъ отношеніяхъ, въ прямомъ и переносномъ смыслѣ. Третій, наконецъ, наслѣдовавшій должность и званіе арзамасскаго гуся, былъ старичишка не только сѣдой какъ лунь, но желтоволосый, соловой, какъ звала его молодежь тугаринская, или палевый, какъ прозвали его понѣжнѣе дѣвицы. Этотъ былъ самъ всесвѣтный женихъ, который потому только до–сихъ–поръ не женился, какъ увѣрялъ всѣхъ, что положилъ себѣ правиломъ — вывести сперва огромныя мозоли со всѣхъ десяти пальцевъ ногъ своихъ, для чего онъ изобрѣлъ покрайней мѣрѣ двадцать мазей и пластырей. Можно себѣ вообразить, въ какомъ распущенномъ состояніи была, при такомъ начальствѣ, вся аптекарская команда и въ какомъ безнадежномъ положеніи были дѣла Вилима Карловича.

Но это еще не все: мелкія хозяйственныя непріятности бѣдный Тофельсъ перенесъ бы теперь съ благодушіемъ и долготерпѣніемъ, не смотря на довольно пылкую кровь свою, — еслибъ только дѣло этимъ ограничивалось.

Дѣвочки у него подросли и похорошѣли, назывались: Кетхенъ, Розхенъ и Мальхенъ и, не смотря на примѣрное благонравіе ихъ и всегдашнее занятіе по домашнему хозяйству, родителямъ ихъ не было отбоя отъ разныхъ невинныхъ шашень съ аптекарскими подмастерьями или, по крайней мѣрѣ, отъ разныхъ происковъ и волокитствъ послѣднихъ. То у дочерей появлялась, откуда ни взялась, пастилка, коромельки, или даже дѣвичья кожа; то ходили по рукамъ рожки, или сладкіе стручки; то комочки калабрійской манны, то баночки съ какою–то тамарисковою кашкой, — и не было конца гостинцамъ всѣхъ родовъ, которыми такъ богаты наши аптеки; а что всего хуже, къ нимъ подвязывались нерѣдко какія–то цыдулки, съ виду похожія на аптечныя, но весьма сомнительнаго содержанія. Кромѣ того, стоило только одной изъ дѣвушекъ, въ бѣломъ платьецѣ своемъ и опрятномъ передничкѣ, показаться на дворъ, какъ непремѣнно, въ томъ или другомъ углу, надъ заборомъ, выказывалась мужская

голова, отъ которой сильно несло тминомъ или шафраномъ. Иногда не только пара, а пять, шесть такихъ головъ подымались вдругъ изъ засады своей въ разныхъ концахъ сосѣдняго строенія и внезапно нарушали этимъ мирное спокойствіе Тофельсова семейства. Пахучія зелья и снадобья разнаго рода смѣшивались тогда въ воздухѣ, и если не заглушало внезапно запахъ ихъ какою нибудь камедью, то нельзя было разобрать, чѣмъ именно пахнетъ. Иногда, записочки опускались на ниточкахъ изъ сосѣдняго слуховаго окна, съ сѣновала; иногда летѣли онѣ дюжинами черезъ заборъ и окропляли гряды въ огородѣ. Бѣдный Тофельсъ не успѣвалъ подбирать ихъ; онъ двадцать разъ уже представлялъ такое поличное самому аптекарю, жаловался, просилъ его унять вольницу и защитить мирныхъ сосѣдей своихъ; но всѣ розъиски и строгіе запреты безтолковаго аптекаря не надолго успокоивали Тофельса и вели только къ новымъ и болѣе хитрымъ изобрѣтеніямъ подмастерьевъ. На записочки эти, дѣвушки,

правду сказать, были не очень падки; но коробочки и баночки отвязывали осторожно, украдкой, оставляя записочку на ниткѣ, которую несчастный поклонникъ, послѣ долгаго раздумья, подымалъ обыкновенно опять въ слуховое окно. Такая, видно, была судьба бѣднаго колбасника, чтобъ ему не было покоя отъ этого сосѣдства и чтобъ всѣ гезели, помощники и подмастерьи, вся команда аптекарская влюблялась поочередно въ его дочерей!.. Народъ этотъ былъ до того догадливъ и предпріимчивъ, что общими силами выстроилъ у себя на дворѣ превысокую голубятню, откуда можно было видѣть, какъ на ладони, все, что дѣлается на дворѣ, въ саду, огородѣ, а частію и въ домѣ колбасника. На голубятнѣ этой во всякое время дня можно было видѣть часоваго, потому–что подмастерье, которому не досталось по очереди катать пилюли и толочь солодковый корень, навѣрное сидѣлъ на этомъ наблюдательномъ посту. Чтобъ дѣти могли покрайней мѣрѣ спокойно работать въ

огородѣ, Тофельсъ поставилъ въ этомъ мѣстѣ на заборѣ огромный досчатый щитъ и написалъ на внѣшней сторонѣ его двухъ повѣсъ, высунувшихъ языки на четверть аршина. Аптекарь очень радовался этому остроумному изобрѣтенію, смѣялся отъ души, похвалилъ за это сосѣда; но успѣха не было, впрочемъ, никакого. Аптекарь утѣшалъ сосѣда только тѣмъ, что вотъ–де скоро избавится окончательно отъ мозолей своихъ, которыя не даютъ ему теперь ступить на ногу, и тогда онъ непремѣнно управится съ своей шайкой.

ГЛАВА II.

Раздѣлка колбасника съ бородачами.

Но не одни только аптекарскіе подмастерьи разныхъ наименованій

волочились, съ большимъ или мѣньшимъ успѣхомъ, за дочерьми свѣдущаго въ дѣлѣ своемъ колбасника: онѣ вскружили голову не одному тугаринскому жителю, и чѣмъ менѣе сами подавали къ тому повода, тѣмъ пристальнѣе за ними ухаживали.

Въ Тугаринѣ жилъ очень зажиточный купецъ Яковъ Ивановичъ Корюшкинъ — удалой, оборотливый купчина и лихой малый. Онъ самъ нажилъ состоянiе свое, чему однакожъ люди не столько дивились, сколько тому, что онъ его уже давно не прожилъ опять. Не то, чтобъ вы въ домѣ Корюшкина, оставшагося вдовцомъ съ однимъ сыномъ, нашли, въ обыкновенные дни, какую нибудь роскошь, кромѣ развѣ богато, хотя и безвкусно убранныхъ покоевъ; напротивъ того, буднишняя жизнь Якова Ивановича ничѣмъ почти не отличалась отъ убогой жизни нашихъ мѣщанъ. Часу въ пятомъ утра, пилъ онъ чашки три, четыре постнаго чайку; часу въ осьмомъ полудновалъ, т. е., выпивъ рюмку простой пѣнной, закусывалъ горячимъ пирожкомъ, лепешкой, ватрушкой, или

холодной печенкой, до которой былъ большой охотникъ; въ исходѣ двѣнадцатаго, Корюшкинъ обѣдалъ щи, кашу, пирогъ, а тамъ ложился отдыхать, выпивъ еще цѣлый жбанъ мятнаго квасу; въ шесть часовъ — тотъ же скромный чаекъ; въ девять — щи да каша, и съ Богомъ отходилъ ко сну. Въ одиночествѣ своемъ, Корюшкинъ былъ молчаливъ, угрюмъ; дома говорилъ только отрывистымъ голосомъ, когда что нибудь приказывалъ, а за тѣмъ вздыхалъ часто и глубоко, Богъ–вѣсть о чемъ, приговаривая шопотомъ: «О, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!»

Но за то на Корюшкина находила нерѣдко гульливая полоса, которая уже ни въ чемъ не знала мѣры. Онъ тогда задавалъ, ни съ того ни съ сего, безсмысленные и безтолковые пиры, на которыхъ только что не купалъ сотню гостей въ такъ называемомъ шампанскомъ. Шампанское, по мнѣнію Корюшкина, одно только доказывало принадлежность общества къ образованному, высшему кругу; шампанское составляло единственное

звено той важной цѣпи, которая приковывала его къ сословію баръ и отличала отъ простолюдина. При такихъ случаяхъ, Корюшкинъ готовъ былъ измѣрить степень просвѣщенія и образованія общества по числу выпитыхъ имъ ящиковъ шампанскаго.

Такіе пиры или попойки длились сутки двои сряду, и трудно было сказать, что это такое: обѣдъ, чай, ужинъ; балъ или вечеринка. Весь городъ приглашался и свозился къ Корюшкину во дворъ и въ домъ, точно будто на какое либо важное дѣло; всѣ должны были явиться безотговорочно, высшіе и низшіе, военные и гражданскіе чиновники, помѣщики и купечество; всѣхъ зналъ онъ на перечетъ, приглашалъ и просилъ неотступно, униженно, и если кто во время не являлся, то посылалъ за нимъ коляску, ѣхалъ самъ; а залучивъ весь городъ, запиралъ ворота на запоръ и распоряжался самоуправно. Это были торжественные дни для Якова Ивановича, минуты наслажденія, въ которыя онъ чувствовалъ себя господиномъ

полновластнымъ, гдѣ все ему покорствовало, гдѣ хлѣбосольство давало ему право говорить, на этотъ разъ, ты всѣмъ важнымъ и чиновнымъ лицамъ; гдѣ всѣ грязныя и сочныя шутки и остроты его принимались съ восхитительнымъ одобреніемъ, гдѣ самая пошлая брань шла за острое словцо, и гдѣ можно было всякому строптивому гостю заткнуть ротъ бутылкой, не въ переносномъ, а въ прямомъ и настоящемъ смыслѣ. Въ другое время, Корюшкинъ, по поводу какого нибудь радостнаго въ отечествѣ нашемъ событія, выставлялъ дубовые столы на дворъ и на улицу, какъ бывало великій князь Владиміръ Красное Солнышко; тамъ раздавалъ онъ на неимущую братію 500 рубахъ и по цѣлковому, откупалъ на три дня городскія бани и парилъ весь народъ Христа ради. Но за то въ буднишнее время, въ полосу нетороватую, Яковъ Ивановичъ былъ кремень, или лучше сказать, кругляшъ булыжный, который, одѣвшись въ жесткую кору свою, не давалъ искры и не отзывался ни на какой толчокъ.

Разсыпаясь въ тороватое время безконечно затѣйливыми остротами, поговорками и прибаутками, Корюшкинъ въ скаредное безвременье свое опять погружался въ суровую молчаливость, говорилъ мало, отрывисто, вздыхалъ и поминалъ свои грѣхи... Послѣднее дѣлалъ онъ впрочемъ всегда только въ самыхъ общихъ словахъ, никогда не распространяясь въ подробностяхъ.

У Корюшкина, какъ упомянулъ я, былъ сынъ, Петруша. Этому Петрушѣ миновало уже 20 лѣтъ, а отецъ все еще держалъ его какъ ребенка, подлѣ бока. Яковъ Ивановичъ очень любилъ сына, — это знали всѣ жители Тугарина; т. е., давая ему волю во всемъ, не обременялъ его ни какимъ ученьемъ, изрѣдка только колачивалъ въ сердцахъ, по случаю какихъ нибудь торговыхъ непріятностей или сподручныхъ отеческихъ наставленій. Эти наставленія безспорно были весьма согласны съ началами доброй нравственности; но они всегда ограничивались общими, простыми, ясными и положительными истинами и

никогда не касались болѣе отвлеченныхъ понятій. Сюда, напримѣръ, принадлежали наказы: «не воруй, не шатайся, не пьянствуй» и тому подобное. Наставленія эти давались не при случаѣ, а про–запасъ, когда отцу приходило въ голову, «что ребенка надо поучить», когда онъ попадался гдѣ нибудь некстати на встрѣчу и Яковъ Ивановичъ былъ не въ духѣ.

Этотъ–то Петруша, малый такъ себѣ, не задорнаго ума, но и не глупый, накинулъ какъ–то глазомъ на Розочку, вторую дочь нашего колбасника, и долго завидовалъ аптекарскимъ подмастерьямъ въ сосѣдствѣ ихъ и въ другихъ, соединенныхъ съ этимъ обстоятельствомъ, удобствахъ. Петруша былъ парень весьма неопытный по этой части, не смотря на поучительныя отцовскія наставленія, и потому долго таилъ эту новую для него привязанность отъ всѣхъ и не искалъ даже сближенія съ Розочкой, которая, по житейскимъ отношеніямъ обоихъ семействъ, была такъ отъ него удалена. Но, и самъ того не замѣчая, Петруша день и ночь игралъ мыслію

познакомиться въ домѣ Вилима Карловича и усладить себя иногда бесѣдой съ Розой. Онъ невольно придумывалъ къ тому какія–то чрезвычайно хитрыя, многосложныя и несбыточныя средства. Дѣло сдѣлалось однажды, къ крайнему изумленію Петруши, такъ просто, что малый мой не могъ опомниться и долго ходилъ на яву какъ сонный, а во снѣ грезилъ, какъ будто вновь народился на какомъ–то новомъ свѣтѣ. Черта эта, воля ваша, говоритъ много въ пользу Петруши: кто съ такимъ воспитаніемъ и понятіями могъ полюбить такую дѣвушку, какова была Роза, и забыться нѣсколько времени въ одномъ этомъ чувствѣ, — тотъ долженъ быть человѣкъ не совсѣмъ пошлый, а годный на что нибудь путное, если его умѣть пустить въ дѣло. Но это умѣнье, въ скобкахъ замѣтить, также не послѣдняя вещь; и если мы часто хвалимся тѣмъ, что русскій человѣкъ всегда, вездѣ и на все пригоденъ, куда ни сунь его, — то не мѣшало бы намъ, однакоже, позаботиться иногда и о томъ, чтобъ научиться узнавать и выбирать

людей, между этими на все пригодными, и ставить ихъ на то мѣсто, куда зовутъ ихъ познанія и самое призваніе.

Корюшкинъ торговалъ оптомъ разумѣется, между прочимъ также пенькой и саломъ; у него были салотопные заводы, и нерѣдко пригонялось туда много скота. Тофельсъ негодовалъ на варварское салотопное хозяйство Корюшкина, усчитывалъ съ сострадательною улыбкою всѣ невѣжественные промахи и убытки его, нерасчетливыя дѣйствія и добровольную порчу драгоцѣннаго товара, — но при всемъ томъ сводилъ иногда счеты съ нимъ, когда бралъ у него скотину, которую оптовый торговецъ уступалъ нѣмцу только изъ особеннаго одолженія, потому–что мелочной и розничной торговлей не занимался. По этому–то поводу Тофельсъ пришелъ однажды къ Якову Ивановичу, расшаркался передъ нимъ самымъ обязательнымъ образомъ и просилъ уступить, изъ числа вновь пригнаннаго скота, штуки три, четыре, для откормки. Яковъ Ивановичъ сказалъ: «изволь, братъ

мусье, возми»; а Петруша тутъ какъ–то невзначай подсунулся, проводилъ нѣмца за городъ, на скотный дворъ, и похлопоталъ у прикащиковъ, чтобъ Вилиму Карловичу дали на выборъ изъ молодыхъ и крупныхъ быковъ. Вотъ и дѣло въ шляпѣ; Вилимъ Карловичъ потрепалъ по плечу Петрушу, сдѣлался большимъ другомъ его и звалъ его къ себѣ, въ будень, посмотрѣть заведенiе, а въ воскресенье на вечеръ, посидѣть и выпить чашку чаю.

Съ этой поры, растворились для Петруши райскiя двери, и онъ почасту дивился недогадливости своей, какъ и почему онъ давно уже не избралъ этого простаго и естественнаго пути къ сердцу — если не Розы, то по крайней мѣрѣ ея отца, котораго также въ дѣлѣ этомъ миновать было трудно; удивлялся, для чего онъ придумывалъ несбыточныя вещи, а не пошелъ просто по ниткѣ, которая давно была у него въ рукахъ.

Тофельсъ принималъ въ домѣ своемъ немногихъ; но кто былъ вхожъ, тотъ былъ свой. Въ этомъ отношенiи, понятiя его тоже

не сходились съ понятіями Корюшкина отца, котораго сынъ просиживалъ теперь цѣлые вечера у колбасника. Петруша игралъ самоучкой на гитарѣ и пѣлъ русскія пѣсни. Отецъ однажды сильно его обезкуражилъ, когда онъ затянулъ было: «Чѣмъ я тебя огорчила»: — «Куда тебѣ дураку спѣть эту пѣсню» — сказалъ ему отецъ — «это пѣсня нѣжная, не по твоему дурацкому горлу сложена!» Но дочери Вилима не были такъ разборчивы и не считали пѣсни этой черезъ чуръ нѣжною, или можетъ быть находили, что Петруша достаточно выражаетъ нѣжность эту, — по крайней мѣрѣ онѣ слушали его охотно, пѣли иногда съ нимъ и проводили время пріятно. Мать и отецъ привыкли къ нему, видѣли въ немъ смирнаго и добраго малаго, а притомъ и честили его, по объясненнымъ сношеніямъ съ салотопникомъ, его отцомъ. Такимъ образомъ, время шло незамѣтно и также незамѣтно связывало невидимыя, таинственныя узы свои, которыя сулятъ на свѣтѣ столько счастія и строятъ столько бѣдъ. Петруша былъ счастливъ въ душѣ,

это правда, но жилъ ли онъ въ настоящемъ? Нѣтъ; мы вѣдь и вообще никогда не живемъ, мы всегда только жить собираемся. Изрѣдка развѣ только еще вспоминаемъ мы какъ жили, какъ живутъ другіе — и сами отъ себя всегда переносимся взадъ, впередъ или въ бокъ. Когда мы бываемъ довольны, или видимъ довольство? Когда отдѣлываемъ домъ, въ которомъ собираемся пожить въ избыткѣ и покоѣ; когда надѣемся получить то, чего всей душой желаемъ; когда вспоминаемъ о быломъ и забываемся; когда видимъ сосѣда, который живетъ, какъ кажется, среди всѣхъ мірскихъ благъ — или когда слышимъ, что тамъ–то люди благоденствуютъ. Вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ; хороши бубны за горами; въ чужой рукѣ ломоть великъ; на людяхъ и смерть красна.

Приступаемъ къ развязкѣ любовишки Петруши, къ описанію разрушенія хрустальнаго замка его, по которому Корюшкинъ отецъ безжалостно ударилъ изо всей силы могучимъ кулакомъ своимъ,

разрушивъ игрушку эту до основанія и приговаривая истинно–нравоучительныя наставленія свои: «не воруй, не таскайся, не пьянствуй»!

«А поди–ка сюда, Петруша», сказалъ Яковъ Ивановичъ, сидя прямо и бодро на диванѣ и опершись въ оба кулака на колѣни; «скажи–ка, братъ, за чѣмъ тебя чортъ носитъ къ колбаснику? чего ты тамъ не видалъ?» — Сказавъ это, Яковъ Ивановичъ не выждалъ отвѣта, и прибавилъ только: «Нѣтъ, братъ, видно я давно тебя не училъ; забылъ ты отцовское наставленіе. Поди–ка сюда — да поближе, давай сюда чубъ — вотъ такъ: это тебѣ наука; не воруй, не шатайся, не пьянствуй! Чего ты съ колбасницами амуришься? что онѣ подъ–стать тебѣ, что ли? Нѣтъ братъ, видно пора тебя женить: а тамъ чтобъ и нога твоя не была!»

Чтобъ довершить дѣло Корюшкинъ послалъ за Тофельсомъ. Этотъ, полагая, что его зовутъ для расчета, или для заказа на пирушку, явился тотчасъ и былъ принятъ точно такъ, будто онъ обокралъ

Якова Ивановича, который только что не подралъ его за чубъ, а впрочемъ надавалъ ему, оглушительнымъ голосомъ, такихъ же добрыхъ совѣтовъ и приказанiй, какъ и родному своему сыну. Бѣдный Тофельсъ, опомнившись и понявъ наконецъ въ чемъ дѣло, самъ разъярился въ невинности своей какъ левъ, и не могши перекричать раздвижную трубу Корюшкина, подымался голосомъ все выше и выше, и наконецъ едва не запѣлъ пѣтушкомъ. На упрекъ, что онъ сманиваетъ у него сына для мамзелей своихъ, Вилимъ вышелъ изъ себя, накричалъ что–то бойкимъ, ломаннымъ языкомъ, а въ заключенiе плюнулъ и ушелъ. Разговора ихъ передавать не стоитъ: они сами не знали, не слышали, что кричали и потому все равно, что бы тутъ ни было сказано. Все испарилось и ушло, какъ ѣдкiй уксусъ, которымъ плеснули на раскаленный кирпичъ.

Не трудно догадаться, что аптекарскiе подмастерья услужили своему сопернику, передавъ отцу его вѣсти о похожденiяхъ

сына и не пожалѣвъ на такой случай умѣстныхъ для цѣли ихъ прикрасъ.

Намъ остается только описать теперь церемоніалъ, или какъ говаривали у насъ прежде, чинъ, который былъ соблюденъ со стороны разобиженнаго и крайне разсерженнаго колбасника, по случаю формальнаго разрыва съ домомъ Корюшкина и отказа сыну его, на вѣчныя времена, отъ всякихъ сношеній съ бѣдной Розой. Надобно еще замѣтить, что Вилиму Карловичу дѣйствительно никогда и въ умъ не приходило сдѣлать изъ Петруши жениха для своей дочери: онъ чуждался даже въ этомъ отношеніи русскихъ вообще, надѣялся выдать дочерей хоть за плохинькихъ, да за нѣмцевъ — и принималъ у себя въ домѣ Петрушу, сначала по торговымъ связямъ съ отцомъ его, а потомъ уже по привычкѣ, не подозрѣвая зла, которое изъ этого могло выйти. Мать, какъ женщина, была нѣсколько прозорливѣе и, поглядывая иногда на Розочку и на Петрушу, думала про себя: «пусть будетъ, что будетъ!»

Музыка, хотя и не слишкомъ высокаго разбора, какъ мы уже видѣли прежде, — служила одною изъ главныхъ точекъ взаимнаго соприкосновенія дѣвушекъ и Петруши; онъ точно увидѣлъ въ домѣ колбасника новый міръ, о которомъ ему доселѣ не грезилось и во снѣ. Тутъ было столько житейскаго, семейнаго, задушевнаго, господствовалъ такой порядокъ и покой, что Петруша забывалъ себя въ домѣ этомъ и, возвратившись въ угрюмое, одинокое и молчаливое жилище свое, нерѣдко просто плакалъ про себя навзрыдъ.

По воскреснымъ вечерамъ, дѣвушки у Тофельса охотно танцовали, если случалось человѣка два, три гостей, а иногда и между собою и даже съ отцомъ, незабывшимъ еще настоящій брауншвейгскій вальсъ, въ которомъ пресмѣшно выкидывалъ деревянными ногами своими. При этомъ, одна изъ дочерей, а иногда и мать, играли Аугустина, или ему подобное старьё, на шаткомъ клавирѣ, издававшемъ звукъ почти какъ такъ–называемые фортепьяно

съ перышкомъ или дѣтскія гусельки, гдѣ плаваютъ утки, или маршируютъ солдатики изъ башни въ башню. У Петруши издавна былъ старинный органъ, которымъ, можетъ быть, отецъ его еще потѣшался въ молодости; органъ былъ величиною съ небольшой коммодъ и наигрывалъ, съ грѣхомъ пополамъ, около дюжины разныхъ танцевъ. И въ немъ правда была проклятая дудка, которая никогда не умѣла вовремя замолчать, а тянула подъ конецъ всегда одна одинёхонька сиплую ноту, покуда мѣхъ не испускалъ послѣдняго дыханія своего; но это было для молодёжи нашей не помѣха, а напротивъ придирка къ шуткамъ разнаго рода, и постоянно каждое воскресенье возбуждало общій и дружный хохотъ веселаго общества. Петруша перенесъ органъ этотъ къ Тофельсу и подарилъ его дѣвушкамъ: и съ тѣхъ поръ всегда танцовали подъ органъ и учились по немъ играть новыя штуки на клавирѣ.

Далѣе, Петруша однажды услужилъ колбаснику, доставъ черезъ прикащиковъ отцовскихъ какого–то ютландскаго

поросенка и подарилъ его Вилиму Карловичу, для разведенія этой знаменитой породы. Вотъ два почти единственные вещественные памятники Петруши, оставшіеся послѣ описаннаго нами происшествія въ домѣ Тофельса. Но когда послѣдовалъ разрывъ, когда Корюшкинъ оскорбилъ нѣмца, затронувъ честь его, и нѣмецъ съ нимъ разбранился такъ, что не покинулъ на мировую ни полслова, то онъ, прибѣжавъ домой, объявилъ, чтобъ и духу Корюшкиныхъ тутъ не оставалось; а какъ ему попался на глаза несчастный органъ, то онъ немедленно приказалъ работнику закладывать телегу и поставить на нее органъ, для отправленія по принадлежности. «Дѣти!» закричалъ взбѣшенный Тофельсъ: «несите сюда сейчасъ все, все, что есть у васъ отъ этого проклятаго салотопника, все! чтобъ ни одной булавки его у меня въ домѣ не осталось». И въ эту минуту, Тофельсъ вдругъ вспомнилъ ютландскаго поросенка. Поросенокъ этотъ давно уже подросъ и сложился, то есть, сталъ огромной, хорошо

откормленной свиньей. Не охотно разставался съ нею Тофельсъ, потому что порода точно была хороша — но нѣчего дѣлать: онъ въ эту минуту не пожалѣлъ бы ничего. «Связать сейчасъ же ютландца!» закричалъ онъ: «связать его по всѣмъ четыремъ ногамъ и принести сюда!» Приказанiе было исполнено, и жирный, прекрасный ютландецъ улегся на телегѣ, позади органа. «Вези!» закричалъ Тофельсъ: «вези къ Якову Ивановичу и свали все на дворѣ у него: чтобъ и духу его здѣсь не было!»

Дѣвушки, которыя привыкли браться въ домѣ за всякое дѣло своими руками, со слезами на глазахъ помогали выносить и устанавливать органъ, отправляемый въ ссылку; онѣ погладили любимаго своего ютландца, лежавшаго передъ ними на телегѣ, утерлись передниками и проводили томными глазами тронувшiйся въ путь поѣздъ. Прощай, добрый ютландецъ! прощайте готовые во всякое время вальсы и экосезы! прощай и ты, добрый, услужливый

пріятель Петруша! Розочка не выдержала, залилась слезами и пошла въ комнаты.

До Корюшкина было не совсѣмъ близко; онъ жилъ на другомъ краю города. Завернувъ за уголъ, работникъ, сидя на органѣ, сталъ разсматривать его въ раздумьѣ, увидѣлъ съ лѣваго бока знакомую ему рукоятку, и отъ нечего дѣлать принялся ее вертѣть. Музыка раздалась по улицѣ; а бѣдный ютландецъ, соскучившись лежать бокомъ на тряской телегѣ, началъ подергивать ногами, и затянулъ также свою пѣсню, и тянулъ ее, не переводя духа, во всю дорогу. Работникъ ни сколько не смущался этимъ, а пустивъ лошадь шажкомъ, продолжалъ наигрывать, въ запуски съ ютландцемъ, какой–то превеселенькій вальсъ. Люди останавливались на улицѣ, смотрѣли и провожали глазами поѣздъ, выглядывали изъ дверей и оконъ и спрашивали колбасникова работника, что это такое? «Ничего», отвѣчалъ онъ спокойно, продолжая вторить ютландцу: «отъ хозяина кладку[A] обратно веземъ къ жениху — не

полюбился!» Такимъ образомъ, органъ со свиньей дружно прогулялись по всему городу и возвѣстили жителямъ Тугарина о разрывѣ между Корюшкинымъ и Тофельсомъ. Молва нашла для этого много различныхъ причинъ, передавала ихъ съ большими подробностями, и Тофельсъ три дня сряду, отъ безпрестаннаго трезвона въ ушахъ, поматывалъ бѣлымъ бумажнымъ колпакомъ.

ГЛАВА III.

Русская прокопченная колбаса.

Прошло нѣсколько дней, а Корюшкинъ, замѣчая, что сынъ совсѣмъ на себя не похожъ, подумалъ: «И вправду пора женить мальчика, а то избалуется. Вѣдь уже ему 20 лѣтъ. Двадцати лѣтъ вѣдь и меня бы отецъ не выдержалъ этакъ; — все

одна дурь въ голову лѣзетъ. Петруша! Позвать Петрушу ко мнѣ!»

«Я тебя, Петя, намедни побилъ, любя», сказалъ ему Яковъ Ивановичъ: «побилъ отечески, за то, что люблю тебя, а не за то, чтобъ я осерчалъ. Гляди же ты у меня, не доведи меня, Петруша, до грѣха; не дай Богъ, чтобы довелъ ты меня до побоевъ за нелюбовь мою — не приведи Богъ! Не воруй, не шатайся, не пьянствуй — вотъ я тебѣ что читаю, а ты слушай да казнись. А чтобъ тебѣ не избаловаться, такъ я вотъ тебя хочу женить; пора!»

Петруша все молчалъ и только раза два во время рѣчи этой кланялся отцу въ поясъ, стоя передъ нимъ, потряхивая головой и отводя послѣ каждаго поклона волосы къ ушамъ.

«Ты знаешь Митрясовыхъ Палашу?»

— Видалъ, батюшка, раза два.

«Ну, такъ вотъ тебѣ невѣста!»

Петруша вздохнулъ тяжело, занесъ руку въ затылокъ, и слезы брызнули у него изъ глазъ.

«Что ты, съ радости, аль съ печали?» спросилъ отецъ.

— Отъ воли твоей, батюшка, я ни на шагъ; власть твоя; только Митрясова Палаша… высватана, что ли она у васъ?

«Нѣтъ, не высватана; да высватать не долго. За этимъ дѣло не станетъ. Да ты говори… нечего съ тобой дѣлать, говори, что хотѣлъ говорить!»

— Да негодится она мнѣ, батюшка, воля твоя.

«Что же, съ изъянцемъ что ли?»

— Нѣтъ, не то съ изъянцемъ, да такъ не годится, сама по себѣ.

«Экой дуракъ выросъ какой! сама по себѣ! да чѣмъ же не годится? Ну, ужъ говори, коли говорить: совралъ, да и поперхнулся! Говори, не бось! не чужой вѣдь кто тебя спрашиваетъ, отецъ!»

— Да коли бъ милость была твоя, батюшка, такъ хоть бы и погодить еще немного; я и такъ не соскучился.

«А! не соскучился! А у колбасника для чего снюхался, а? — Нѣтъ, братъ, шалишь! Да и ждать тебѣ н ичего дуракъ, а я

знаю, что пора тебя женить. Дѣвка не святцы, не поставишь на полочку, покуда не понадобится: ты будешь ждать, да думать, а глядь — ея ужъ и нѣтъ. Чай, за ней всякъ знаетъ, что пойдетъ десятковъ пять; не бойсь, охотнички найдутся.»

— Не одна же она, батюшка; не клиномъ передъ нами свѣтъ сошелся; есть и окромѣ Митрясовыхъ.

«А примѣръ, какая же еще есть?»

— Да мало ли ихъ, всѣхъ не перечтешь.

«Дуракъ! всѣхъ не перечтешь! То тебѣ ни одной не надо; то бы вотъ всѣхъ въ охабку!» И старикъ расхохотался.

— Господь съ ними, батюшка; истинно не надо ни одной.

«Ну, врешь: ужь я знаю, что врешь. А примѣръ, какая же еще есть? Всѣхъ ничего тутъ поминать, всѣхъ много будетъ, жирно, братъ, обѣдаешь!.. Ну, а ты назови-ка мнѣ хоть одну, кто у тебя будетъ получше Митрясовой?»

— Да мало ли, батюшка. Да вотъ, коли на то пошло, вотъ хоть бы у Мирона

Степановича Параша — ужъ неужто она не стоитъ супротивъ Митрясовой?

«У Мирона Степановича?» спросилъ отецъ. «А что, братъ? и вправду. Вѣдъ я ея не видалъ съ издѣтства, съ тѣхъ поръ, какъ на рукахъ нашивалъ. Не случалось какъ-то, не помню. Нѣшто она хороша стала?»

— Ничего, живетъ, отвѣчалъ сынъ: — да ужъ все противъ Митрясовой будетъ подобродѣтельнѣе.

«Ну, ладно,» сказалъ старикъ, вставая съ дивана и обнимая сына: «такъ по рукамъ, братъ. И то дѣло: сосватаемъ у Мирона Степановича».

Бѣдный Петруша не успѣлъ и опомниться, какъ отецъ вышелъ уже и началъ распоряжаться въ другой комнатѣ съ прикащиками. Ни съ того, ни съ сего, выбралъ невѣсту, и самъ не знаетъ какъ это сталось! «Что за пропасть» подумалъ Петруша: «рехнулся, что ли я? Чѣмъ бы только молить мнѣ отца, чтобы далъ отдохнуть мнѣ еще, коли милость его будетъ — а тутъ и самъ не знаю съ какой стати, невѣсту выбралъ! Господи Боже мой!

что я стану дѣлать? какой я женихъ? Все только бы плакалъ. Авось еще успѣю; какъ будетъ на дняхъ въ духѣ батюшка; такъ не дастъ ли Богъ какъ нибудь отмолиться.»

Въ такомъ же печальномъ положенiи, какъ Петруша, находилось въ это время все семейство Тофельса. Розочка, еще полуребенокъ, сильно тосковала по другѣ своемъ, и на ней же тяготѣло все бремя родительскаго неудовольствiя. Сѣстры ея также ходили склонивъ головки и старались зачитывать по вечерамъ отцовское сердце, то есть досаду его, читая ему вслухъ нѣмецкiя академическiя вѣдомости, которыя старикъ держалъ. Мать была очень признательна дочерямъ за эту маленькую военную хитрость; но вообще все въ домѣ было какъ–то тихо и грустно. Иногда, тутъ или тамъ, шептались, будто не смѣли говорить вслухъ — чего никогда прежде не случалось; а бывало, все въ домѣ смѣется, хохочетъ, перекликается, отзывается, — и дружно сходила съ рукъ работа, и дружно отдыхали.

Аптекарскіе подмастерьи сначала подсмѣивались въ кулачокъ, радуясь успѣху своей тактики; но вскорѣ они также стали почесываться и укорять другъ друга въ изобрѣтеніи такой неудачной продѣлки. Шумъ въ домѣ, какого не бывало прежде, напугалъ дѣвушекъ и сдѣлалъ ихъ робкими и осторожными; а изгнаніе Петруши всѣхъ ихъ огорчило за добрую Розу. Поэтому, узнавъ откуда послѣдовалъ доносъ, всѣ они составили между собою союзъ, для мести аптекарскимъ подмастерьямъ. Месть эта заключалась въ такомъ глубокомъ презрѣніи, что ни стручки, ни тамаринда, ни даже калабрійская манна и дѣвичья кожа не могли болѣе соблазнить лакомокъ: онѣ оставались холодными и не прикасались ни къ какимъ коробочкамъ и сверткамъ. Всѣ эти вещи отправлялись обратно, прямо къ аптекарю, который, продолжая выводить мозоли свои, бранился съ утра до вечера съ учениками, за расхищеніе аптечныхъ припасовъ.

ГЛАВА IV.

Изготовленіе окрошки и начинки.

Миронъ Степановичъ кушалъ чай, поглаживая бороду, въ семейномъ кругу своемъ. Тутъ большихъ и малыхъ было довольно, и всѣ они привыкли и пріучились съ измала пить бережно въ прикуску, такъ, чтобъ растянуть осколышъ сахара чашки на три, на четыре; а Марѳа Алексѣевна, заваривъ или засыпавъ разъ чаю и употчивавъ себя и супруга своего вдоволь, для остальныхъ домочадцевъ своихъ воды не жалѣла. Миронъ Степановичъ, выпивъ шестую или седьмую чашку, кинулъ остатокъ сахара своего съ размаху въ сахарницу, вздохнулъ, и отдувшись на обѣ стороны, завалился въ кресла и продолжалъ молча думы свои, отрывчатыя и несвязныя: у него въ головѣ шли

рядкомъ, но немножко сбивчиво, какъ плохо пріѣзженная пара коней, коренная и пристяжная, двѣ думы: одна насущная, торговая, купеческая; другая — подивитесь причудамъ человѣка! другая дума почетная, чиновная, знатная. Первая отвѣчала нѣкоторымъ образомъ за коренную, вторая за пристяжную; но онѣ путались какъ—то, ртачились, заступали постромки, закусывали удила, рвались — одна въ одну, другая въ другую сторону и шли нескладно. Итогъ мѣсячнаго торговаго оборота, который, мимоходомъ сказать, не записывался никогда въ заморскія счетныя книги, а хранился просто въ памяти Мирона Степановича, въ этомъ объемистомъ и надежномъ архивѣ, который не боялся ни крысъ, ни пожаровъ, — итогъ мѣсячнаго оборота несвязно путался съ какою—то лѣствицею чиновъ; а тутъ мелькалъ еще въ воображеніи Мирона Степановича прикащикъ съ безмѣномъ, а тамъ пара эполетъ; умственный расчетъ процентовъ, которые слѣдовало уплатить и получить въ теченіе будущей недѣли — все это Миронъ

Степановичъ зналъ и соображалъ на память, — расчетъ этотъ не могъ отцѣпиться отъ крестика, который давалъ еще въ то время дворянство. Крестикъ этотъ впился и впутался во всѣ торговые расчеты Мирона Степановича, ровно въ беремя шемаханскаго шелка, и почтенный хозяинъ крякнулъ наконецъ, погладилъ бороду, всталъ и вышелъ въ другую комнату.

«Ты ужъ старъ, Миронъ Степановичъ!» сказалъ онъ самъ себѣ, покачивая головою: «вѣкъ свой отживаешь; тебѣ объ этомъ для себя думать ничего; расторгуйся ты по нынѣшнему годовъ двадцать раньше — ну, тогда иное дѣло. А вотъ теперь хоть для дѣтей позаботься, чтобъ не пеняли послѣ на тебя, коли денегъ имъ покинешь, да чести не дашь — для дѣтей позаботься. Жизнь нашего брата извѣстная: честь отъ утра до вечера; полюбился кому, ладно; не полюбился, что захочетъ, то надъ тобой и сдѣлаетъ; ты, говоритъ, мужикъ, бородачъ, тебѣ мѣсто въ передней. Кабы не совѣстно своихъ стариковъ, влѣзъ бы ину пору въ нѣмецкое платье, ей право, влѣзъ бы; хоть

чести съ нимъ на тебѣ не прибудетъ, да все какъ–то у людей рука не такъ подымается на человѣка въ нѣмецкомъ платьѣ: все онъ какъ будто баринъ. А нашъ братъ что? вотъ» — и толкнулъ ногою мимоходомъ стулъ, такъ что онъ полетѣлъ со стукомъ объ двери.

Марѳа Алексѣевна выглянула къ мужу съ вопросомъ: «что тутъ такое дѣлается?» Онъ отвѣчалъ: «такъ, ничего, стулъ хозяина не призналъ, не посторонился»; и Марѳа Алексѣевна, хотя и не поняла отвѣта, но и не призадумалась надъ нимъ, а успокоилась.

Между тѣмъ, вошла черезъ заднее крыльцо пріятельница Марѳы Алексѣевны, Акулина Герасимовна, которую прозвали въ городѣ Акулинишной. Хозяйка съ гостьей, употчивавъ другъ друга взаимными лобзаніями, поклонами, величаньемъ по отчеству и освѣдомленіями о здоровьѣ, усѣлись на диванѣ и снова принялись за чай. Акулинишна также пила очень искусно въ прикуску и ставила блюдечко, наливъ въ него чаю, вѣжливо и почтительно

донышкомъ на поднятые кверху пять перстовъ и только изрѣдка позволяла себѣ, для перемѣны, брать его въ распорочку большимъ и четвертымъ пальцемъ снаружи, прихватывая указательнымъ сверху и отставивъ средній и мизинецъ рогульками.

Акулинишна была что–то очень весела, осматривалась, оглядывалась, усмѣхалась, улыбалась, льстила хозяйкѣ, ласкала ее при всякомъ удобномъ случаѣ, и наконецъ свела рѣчь искусно вотъ на что:

«Ну, что же, матушка Марѳа Алексѣевна, ваше яблочко наливчатое чай ужъ не зелено, дошло, доспѣло: нѣтъ ли у васъ, матушка, какого товару для сбыту! Я бы, можетъ статься, и купца нашла — хорошаго человѣка, и такого таки хорошаго, что стали бы вы жить за нимъ припѣваючи, меня, слугу вѣрнаго, поминаючи. Какъ вы думаете, матушка Марѳа Алексѣевна?»

— А не знаю, матушка Акулина Герасимовна, какъ вамъ сказать; я безъ Мирона Степановича, сами знаете, не

рядитель; онъ голова, онъ и правая рука. А кто бы это такой, напримѣръ? изъ какихъ?

«Хорошій человѣкъ, матушка Марѳа Алексѣевна (тутъ что–то щелкнуло подъ платкомъ Акулинишны, ровно орѣхъ), хорошій; благодарить будете, ей Богу; только ударьте по рукамъ!»

— Не знаю, матушка, право не знаю. Да кто же бы это такой, сказывайте!

«Что вамъ сказывать, матушка! извѣстное дѣло: вы, слава Богу, знаете меня; я не такая, не пойду на такое дѣло, чтобъ васъ обманывать какъ, или что нибудь... Ужъ я говорю, что хорошій человѣкъ и благодарны будете; красавецъ, ужъ сказать, что молодецъ! не стыдно въ люди показать, и смирный такой, ничего за нимъ никогда не слышно; и не такой, чтобъ нахлѣбникомъ думалъ жить у васъ: ваше добро таки по себѣ, чѣмъ Господь и отецъ благословятъ, а ужъ и онъ не изъ дому понесетъ, а въ домъ: припасайте только ларцы!»

— Охъ, не знаю, матушка Акулина Герасимовна, право не знаю, что и сказать

тебѣ. Вотъ развѣ поговорить со старикомъ своимъ, что онъ скажетъ еще.

Марѳа Алексѣевна вышла въ другую комнату и воротилась черезъ минуту съ мужемъ.

Миронъ Степановичъ раскланялся, сѣлъ на кресла, сталъ почтительно освѣдомляться о здоровьѣ гостьи и всѣхъ родныхъ ея, и не прежде, какъ черезъ полчаса разговора, перешелъ къ дѣлу и потребовалъ, чтобъ сваха назвала жениха, безъ чего–де отвѣта не будетъ никакого. Она продолжала еще нѣсколько времени загадочными намёками, покуда наконецъ Миронъ Степановичъ не добрался, что она прочитъ дочь его, Парашу, за сына купца Корюшкина. Старикъ наморщилъ немного брови, погладилъ бороду, почесалъ затылокъ и, казалось, не рѣшался, какъ на это отвѣчать; онъ оглянулся къ дверямъ, гдѣ люди незастѣнчиво подслушивали, о чемъ идетъ рѣчь, сказалъ: «Подите вы! чего вамъ тутъ надо? тутъ не ваше дѣло;» потомъ обратился къ свахѣ и повторивъ нѣсколько разъ «не знаю, право не знаю»,

между тѣмъ какъ та увѣряла, что «кому же и знать, батюшка, кромѣ васъ» и что «женихъ хорошій, очень хорошій человѣкъ», — Миронъ Степановичъ сказалъ наконецъ: «Нѣту, матушка, Акулина Герасимовна; спасибо за доброе старанье ваше, а не прогнѣвайтесь, вы дѣла–то не знаете. Параша у насъ молода еще; Богъ милостивъ, подождемъ, что впередъ будетъ; торопиться нечего.»

Акулинишна распѣвала еще долго, и уговаривала и приговаривала, но никакого рѣшительнаго отвѣта не получила. Испросивъ позволенія навѣдываться, она отправилась домой.

Параша узнала тотчасъ отъ людей, что тутъ дѣлалось, и ходила нѣсколько дней застыдившись, ожидая спокойно участи своей отъ воли родительской.

И сама Марѳа Алексѣевна не знала чего хочетъ Степановичъ ея, и для чего онъ отказываетъ, но и не смѣла спрашивать его о томъ, полагая, что это–де его дѣло и онъ про то самъ знаетъ! на то онъ отецъ.

Акулинишна отправилась домой не безъ надежды: она, изволите видѣть, развѣдавъ напередъ о препятствіяхъ, приняла мѣры свои; и если не припаивала и не прикармливала невѣсты зельемъ, не давала ей любжи, то по крайности припасла и пустила въ дѣло штуку въ родѣ этого: она сняла съ сундука своего, какъ пошла сватать, большой висячій замокъ, держала его, во время сватанья, скрытно подъ платкомъ и на самомъ причинномъ мѣстѣ бесѣды своей повернула ключъ, щелкнула и попробовала за дужку, точно ли замокъ замкнулся. Увѣрившись въ этомъ и проговоривъ мысленно: «слово мое крѣпко», она не испугалась отказа, а укрѣпивъ такимъ образомъ за собою слово, надѣялась еще со временемъ успѣть. Опытъ важное дѣло, а многократный опытъ ручался Акулинишнѣ за успѣхъ этой мѣры.

Объяснимъ, между тѣмъ, почему Миронъ такъ призадумался, когда посватали Парашу за Петра Корюшкина, жениха во всѣхъ отношеніяхъ завиднаго, а по наслѣдству, одного изъ первыхъ богачей

Тугарина. Мы видѣли уже, что Мирона Степановича мучила суета суетъ другаго разбора; деньги у него были порядочныя у самого, и какъ у хорошаго хозяина держались. Но ему хотѣлось пуще всего выйти въ люди, если не чрезъ себя самого, то покрайней мѣрѣ чрезъ дѣтей. Вотъ почему онъ сына прочилъ, во что бы ни стало, въ военную службу, а дочь хотѣлъ выдать за чиновника. У него была маленькая надежда на губернаторскаго адъютанта, около котораго ходили вѣрные люди, и потому Миронъ началъ немного зазнаваться. Не будь этого, онъ бы обѣими руками ухватился за Корюшкина, а развѣ изъ одного только приличія далъ бы на первый разъ неопредѣлительный отвѣтъ. Обдумывая все это, Миронъ былъ однакоже доволенъ въ душѣ, что у дочери его такіе почетные женихи, и сказалъ про себя: «знаемъ мы васъ — Корюшкиныхъ, послѣдняя копѣйка ребромъ! Нѣтъ, коли ссудитъ Богъ быть намъ сватами, такъ изволь отписать напередъ на имя невѣсты

сотенку тысячъ, а безъ этого въ долгъ не повѣримъ.»

Хитрая сваха прилетѣла къ Якову Ивановичу въ полномъ удовольствіи, точно будто покончила все дѣло. Она разсыпалась мелкимъ бѣсомъ, обнадеживала, выхваляла Парашу, льстила самому Якову Ивановичу, на котораго–де на самого еще невѣсты заглядываются, и, отвертѣвшись общими словами и не сказавъ ничего положительнаго, юркнула и провалилась.

Акулинишна не даромъ слыла свахой, на которую можно было положиться. Она усердно бралась за дѣло, особенно за такое, гдѣ отцы жениха и невѣсты поговаривали о сотняхъ тысячъ — и успѣвала сводить концы. Весь городъ подымала она на ноги, если встрѣчала препятствія; всѣ ворожбы и заговоры знала, всякую дурную и хорошую славу умѣла распускать, гдѣ и какъ нужно, чтобъ достигнуть своей цѣли. Гдѣ нельзя было покончить дѣла вдругъ, тамъ Акулинишна не горячилась; она работала, какъ муравей,

круглый годъ и болѣе надъ одной кучкой, и Тугаринъ не даромъ преисполненъ былъ разсказами о ея дѣяніяхъ. Отхлопать невѣсту у жениха и передать ее другому — это ей какъ стаканъ воды выпить, ни почемъ!

Разузнавъ все, что ей знать было нужно, Акулинишна подпустила напередъ надежную лазутчицу подъ адъютанта и растрезвонила отвѣтъ его по всему городу, и притомъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя должны были дойти до Мирона Степановича и оскорбить его самолюбіе. Словомъ, она вывела въ три дня — чужими руками — адъютанта на чистую воду, и Миронъ Степановичъ увидѣлъ, что тутъ ожидать ничего, что тутъ, какъ выразился онъ слегка, одно шеромыжничество. Съ сердцовъ и съ горя, сталъ онъ уже крѣпко жалѣть, что обошелся сухо съ Акулинишной, и ждалъ съ нетерпѣніемъ, чтобъ она опять пожаловала. «Корюшкинъ, какъ бы–то ни было — позажиточнѣе меня» подумалъ Миронъ: «а Петя будетъ Парашѣ моей дружка не дурная; только надо

обезпечить ее, чтобъ старикъ за–живо не прокутилъ нажитаго.»

Между тѣмъ, Корюшкина нѣсколько безпокоила затяжка этого дѣла, и какъ ни виляла Акулинишна, а надо было ей что нибудь придумать. Она шопотомъ намекнула Корюшкину на извѣстныя похвальныя качества Параши, которымъ завидуютъ всѣ отцы и матери: «Дѣвка, сударь батюшка, такая гордая, такая пышная, царица настоящая, что твоя королевна! Жаль ей, вишь, раставаться съ дѣвичьей долей своей, нехочется расплетать русой косы своей; боится, сударь батюшка; теперь, говоритъ, у отца–матери за пазушкой сижу, а тамъ, будутъ ли меня жаловать да миловать? не раскинуть бы мнѣ печаль по плечамъ, не пустить бы мнѣ сухоту по животу! И заплачетъ, моя сердечная; какъ накроетъ бѣло личико–то руками, словно тучами бѣлый мѣсяцъ заволокло; а какъ глянетъ опять, моя раскрасавица, то вотъ ровно красное солнышко проглянуло на тебя: такъ вотъ, батюшка, рублемъ подаритъ! Вѣдь много,

сударикъ ты мой, за нею безпокоятся, много всякихъ стараются: тотъ къ себѣ ее, и тотъ къ себѣ — всякому тоже хочется, вотъ и Комариха ходитъ въ домъ Мирона Степановича, и косая вѣдьма чухломская, Осиповна, тоже тамъ старается; да шишъ возьмутъ, ничего не выстараются! Ужъ кромѣ Акулины Герасимовны, просто сказать, никому этого дѣла не сдѣлать, таки вотъ ни мать, ни отецъ безъ меня ничего не сдѣлаютъ — ужъ нѣтъ, нѣтъ, а все таки опять зашлютъ къ Акулинѣ Герасимовнѣ! Будьте, батюшка, спокойны; все въ вашихъ рукахъ, не минуетъ насъ власть Господня. Слава Богу, не стыдно въ люди показаться съ такимъ женихомъ, съ Петромъ Яковлевичемъ; вѣдь нѣчего тутъ ломаться, надо правду говорить: дѣвки–то пальчики свои по немъ облизываютъ; это не другой кто!»

Миронъ Степановичъ ѣздилъ кой–куда, и воротился домой крѣпко не въ духѣ. Марѳа Алексѣевна распрашивала его съ осторожностію о случившемся: Миронъ Степановичъ надулся было, но вдругъ его

прорвало, и онъ выкричалъ все, что было у него на душѣ.

«Чего», говоритъ, «провались онъ совсѣмъ (вы видите, что рѣчь шла объ адъютантѣ). Иду я по новой просади, а дрожки мои ѣдутъ рядомъ. Попадается мнѣ обтяжной этотъ; и думалъ я было отворотиться, пусть идетъ съ Богомъ своимъ путемъ — да такъ вотъ дернуло меня, снялъ шляпу, раскланялся, пошелъ съ нимъ по дорогѣ, да разговорился про то, про сё; какъ прошли мы просадь ту, — а онъ сказалъ, что ѣдетъ въ больницу — такъ я, не быть бы нѣучемъ, и прошу, что неугодно ли съѣздить, вотъ-де и парныя дрожечки мои, прошу за одолженіе; а онъ: нѣтъ, говоритъ, благодарю, я и пѣшкомъ дойду; да и отворотилъ носъ въ сторону. Ну, я и подумалъ, провались же ты, коли зазнаваться сталъ; еще ты этакихъ-то дрожекъ, можетъ статься, и не видалъ, а не то что сиживалъ на нихъ; чего ты рыльце-то отворачиваешь? Это не деньщичишко сидитъ бритый, на столбикахъ, не сапатыя артельныя меренья; эти дрожечки 800 даны

въ Казани, да лошади 500, да упряжь 250, да кучеръ откупленъ у меня за 700; стало быть, не на дровни–жъ я его сажалъ, а люди говорятъ, будетъ вся закладка 2250; подижъ ты, коли хочешь пѣшкомъ! кума съ возу, куму легче!»

Марѳа Алексѣевна только развела руками, да ударила объ полы:

«Плюнь, батюшка Миронъ Степановичъ, право, плюнь! Голь эта вся такова. Вотъ и у братишки его, у старшого, вѣдь ни посудинки, говорятъ, нѣтъ; вѣдь забиралъ, забиралъ у добрыхъ людей по рядамъ, да по лавкамъ, что, чай, и счетъ потеряли; со дня на день перебивается, а въ который день не сорветъ съ кого, такъ и ѣсть нѣчего; а хозяйка–то гляди въ какихъ атласахъ разъѣзжаетъ, словно княгиня!»

На другой день послѣ этого случая, Миронъ Степановичъ, надумавшись, поѣхалъ съ утра на скотную площадь, зная, что встрѣтитъ тамъ Корюшкина, который въ торговые дни всегда тамъ бывалъ. Они и точно сошлись, поздоровались и понемногу разговорились. Но чтобъ читатели видѣли

ихъ передъ собою и отличили Мирона отъ Якова, то надо хоть немного показать сходство ихъ и несходство.

Миронъ Степановичъ былъ годовъ пять постарѣе, уже подъ шестьдесятъ, пониже ростомъ, по плотнѣе, по шире въ плечахъ, почернѣе волосомъ, съ небольшою просѣдью; лицо, какъ у любаго извощика; синій сюртукъ, разрѣзной, тонкаго сукна и нѣмецкіе сапоги, т. е. такіе, которые чистились ваксой. Изъ всего этого слѣдуетъ, что Миронъ Степановичъ походилъ на кулебяку съ бородой. Яковъ Ивановичъ былъ порослѣе, пожилистѣе, порусѣе волосомъ, а лицо чугунное, холодное; глаза темносѣрые, очень живые, ротъ сжатый, губы прикушены, сюртукъ также синій, но толстый, неопрятный, съ оборванными обтяжными пуговками; цвѣтная, истасканная жилетка, черный каленкоровый платчишко и воротникъ ситцовой рубашки всегда выказывались тутъ и тамъ, на груди и около шеи, — а сапоги сличные, смазные. Сверхъ того, Миронъ Степановичъ носилъ въ правой

рукѣ распущенный шелковый платокъ, и даже иногда таскалъ его за собою, обмотавъ кончикъ вокругъ пальца; Яковъ же Ивановичъ сморкался всегда въ бумажный, клѣтчатый, красный платокъ, какъ въ книгу, не распуская его, а разгибая только пополамъ, какъ былъ сложенъ прачкой, и опять совалъ его въ карманъ. Миронъ Степановичъ наконецъ нашивалъ большіе часы съ печатями, на золотой цѣпочкѣ; а Яковъ Ивановичъ, напротивъ, если при немъ кто нибудь вынималъ изъ кармана часы, сухо отворачивался, и, взглянувъ мелькомъ на солнышко, приговаривалъ: «первый», или «пятый», — и никогда не ошибался.

«А что, Яковъ Ивановичъ», сказалъ Миронъ: «правда ли, нѣтъ ли, говорятъ, сало въ Питерѣ вздорожало?»

— Вѣрь ты имъ! — отвѣчалъ тотъ: — какъ нѣтъ его, такъ и подымутъ, а привези только, такъ и сядешь. Знаемъ мы ихъ!

«Кому же и знать, коли не вамъ! А дома какъ у васъ, благополучно?»

— Да вотъ сорванецъ мой, того, подросъ, и, благодаря Бога, ничего; только скучать сталъ что–то, уши развѣситъ, да такъ себѣ и ходитъ.

«Извѣстно, человѣкъ молодой. Только смирный долженъ быть Петръ Яковлевичъ у васъ и почтенный человѣкъ, всѣ хвалятъ. Вотъ дастъ Богъ устроите его, такъ ничего, покинетъ скучать.»

— Чего его устроивать! Извѣстно, все его, что нажито. Съ собой не возьмемъ. Будетъ съ него.

«Про это, благодаря Бога, и говорить нечего; а я говорю, что, то есть, какъ устроите его хозяюшкой молодой, такъ и сами поуспокоитесь.»

— Да, пора–то пора. Не на веревкѣ же его держать. Что правда, то правда. Ну, а у васъ какъ дѣла?

«Да благодаря Бога, живемъ, поколѣ Господь грѣхамъ нашимъ терпитъ.»

— Вотъ, вѣдь вамъ–то хорошо было меня спрашивать, Миронъ Степановичъ: у меня одинъ однимъ, какъ перстъ; а вамъ Богъ далъ радости много, такъ тутъ и не

знаешь, какъ за что взяться. Спросишь, такъ и назвать надо!

«Ну, что же, Яковъ Ивановичъ, такъ и назовите, коли потрудиться угодно будетъ; истинно, за честь пріймемъ!»

— Да ты думаешь про кого, про Марѳу Алексѣевну твою, что ли, стану я спрашивать? Я, братъ, про старухъ не спрашиваю никогда!

«Ну, про молодыхъ спросите, милости просимъ! Извѣстно, старухи живутъ да покрякиваютъ, молодыя живутъ да поглядываютъ!»

— Вишь, старый хрычъ! — сказалъ Корюшкинъ, разгулявшись: — договорились мы таки съ тобою до того, что и называть не надо! коли такъ, такъ чего же ты пожимаешься?

«Кто? я? ни ни, Яковъ Ивановичъ! что мнѣ пожиматься?»

— Ну, такъ о чемъ же толковать? отдаешь, что–ли?

«Отдаю, Яковъ Ивановичъ, ей–Богу, отдаю!»

— Давно бы такъ! закричалъ Корюшкинъ, обнимая свата: — мы, чай, другъ объ друга не замараемся, хоть кафтанъ–то на тебѣ и потоньше моего: нужды нѣтъ.

ГЛАВА V.

Парная подборка колбасъ.

Воротившись домой, Миронъ Степановичъ засталъ у себя Акулинишну, которая сидѣла у Марѳы Алексѣевны за кофейкомъ уже болѣе часа и ждала его пріѣзда. Она очень искусно расчитала для этого втораго посѣщенія время и обстоятельства, но не могла предвидѣть, что сваты съѣдутся и столкуются сами; она бы хоть черной кошкой между ними пробѣжала, а ужъ не дала бы имъ самимъ кончить дѣло.

Акулина Герасимовна такъ и залилась трещоткой, увидѣвъ Мирона, да такую понесла, что ему, у котораго давно дѣло было въ шляпѣ, не въ терпёжъ стало слушать, и онъ вздумалъ надъ ней подшутить: «Нѣту, нѣту, матушка сударыня моя Акулина Герасимовна» сказалъ онъ, замахавъ руками: «милостивица ты наша, — и не говори и не поминай; не знаешь ты, золотая, дѣла; нѣту! ну вотъ тебѣ на отрѣзъ: нѣтъ! А впередъ милости просимъ, будьте гостьей нашей! Прошу, сударыня, завтра на вечеръ, такъ вотъ увидите сами, какія у насъ дѣла; покорно прошу.»

Этотъ нежданный отвѣтъ до того поразилъ Акулинишну, что она, баба не робкаго десятка, видавшая много на свѣтѣ, на силу перевела духъ. Не стало у нея на такой случай никакихъ запасныхъ поговорокъ, и она, заохавъ, залилась горькими слезами. Облегчивъ этимъ сердце, принялась она не въ попадъ причитывать утраченной невѣстѣ, словно покойницѣ, и разсердила отца и даже мать. За это онъ не

открылъ ей дѣла, а далъ уѣхать въ слезахъ и въ простодушномъ невѣдѣніи.

Когда Миронъ объявилъ хозяйкѣ своей, что дѣло кончено, то и она заплакала. Степанычъ не гнѣвался на это, а утѣшалъ ее; она же больше вздыхала, чѣмъ говорила, и посторонній зритель никакъ бы не разгадалъ, съ горя ли она плачетъ, отъ радости ли, или инаго рода чувство ее тревожитъ. Степанычъ объявилъ за тѣмъ, что на завтра къ вечеру назначены смотрины, по пріятельски, и тутъ же быть помолвкѣ. Марѳа Алексѣевна опять испугалась немного, но ужъ плакала не долго, потому что надо было подумать о хозяйствѣ и кой–что припасти.

Позвали Парашу, поцѣловали ее и объявили, что завтра быть помолвкѣ; она, правду сказать, ждала этого со дня на день, подготовленная стараніемъ Акулинишны, и съ того времени, какъ началось сватовство, у нея съ дѣвушками только и рѣчи было, что о женихѣ. Онъ молодъ, хорошъ собою, очень богатъ; чего жъ ей больше? Всѣ подруги будутъ завидовать!

«Ну, братъ Петя», сказалъ Корюшкинъ, пріѣхавъ домой и поцаловавъ сына: «вотъ задамъ пиръ, такъ задамъ! Сколько есть вина у жидомора нашего, откупщика, все беру: все, до послѣдней косушки; 1000 бочекъ, и то беру! колодцы, братъ, подѣлаемъ и журавли поставимъ, только бы народъ проклятый не ввалился туда, а то отвѣчать будешь! Бани на три дня беру, и вѣники мои, и кто хочетъ квасомъ парься, пивомъ, медомъ запивай, всего вволю?... Да ты что глядишь у меня мокрицей такой? а? Пойди–ко сюда, сюда, нагнись, дай–ко чубъ; вотъ такъ: не воруй, не пьянствуй, не шатайся; слышь, я что тебѣ говорю? молчи дуракъ! я любя подралъ тебя. Вѣдь отецъ родной, не чужой кто. Молчи; дѣвка наша, засватана. Завтра смотрины у насъ; вѣдь я ея и не видалъ, мнѣ смотрины, а тебѣ помолвка! Да ну, что ли, шевелись! Рабъ Господень еси отцовскій сынъ! Тьфу, бабёнка ты какая! Она чай плачетъ теперь, такъ и тебѣ плакать! Ну, она дѣвка: нельзя въ такомъ случаѣ не поплакать... вотъ, слышалъ, Акулинишна говорила намедни,

что русой косы своей жалѣетъ невѣста твоя; ну а ты чего? толкуй съ нимъ? Пойди, зови сюда прикащика!»

Акулинишна едва успѣла дойти домой, какъ уже узнала отъ прибѣжавшихъ съ поздравленіями добрыхъ пріятельницъ настоящее положеніе дѣла. Не смотря на чрезвычайное разстройство свое, огорченіе и недоумѣніе, она съумѣла однакожъ такъ хорошо прикинуться и выѣхать на обинякахъ, что, выспросивъ все, что ей было нужно, сама и вида не показала, будто это для нея новость: она, напротивъ, съумѣла оставить разсказчицъ въ убѣжденіи, что она–то сама и состряпала эту свадьбу. Такой оборотъ было ей тѣмъ удобнѣе дать дѣлу, что вѣстовщицы не знали разговора стариковъ на скотной площади, а знали только, черезъ людей, что завтра вечеромъ смотрины и помолвка у Мирона Степановича, и что Корюшкинъ также готовится отпировать свадьбу сына. Теперь Акулинишна поняла также, для чего Миронъ Степановичъ звалъ ее на завтрашній вечеръ, и догадалась что именно

она тамъ увидитъ. Непонятно и до отчаянія огорчительно было ей только то, какимъ образомъ могло дѣло такъ внезапно состояться, и при томъ безъ нея! Не долго думавъ, она стала догадываться, что, видно, планы Мирона относительно адъютанта какъ нибудь внезапно рушились, и старикъ вдругъ, не выждавъ вторичныхъ стараній ея, ударилъ по рукамъ. Она, какъ видите, и при неудачахъ рѣдко ошибалась въ своихъ догадкахъ и расчетахъ. На этомъ основаніи, Акулинишна видѣла предъ собою два пути: или разсердиться не шутя, надѣлать шума, разбранить въ глаза сватовъ, за непозволительное самоуправство ихъ, и стараться всѣми силами разстроить свадьбу; или же смолчать, будто ничего не бывало, выставить себя передъ цѣлымъ свѣтомъ свахой въ этомъ дѣлѣ и принять видъ, будто сама его устроила. Она предпочла послѣднее, потому–что оно было выгоднѣе, и положеніе ея при такихъ обстоятельствахъ несравненно почетнѣе. Она дѣло начала, это знали всѣ; надѣясь на наглый языкъ свой и ничѣмъ несмущаемые

глаза, Акулинишна была увѣрена въ успѣхѣ и, конечно, не боялась никакой очной ставки, до которой, впрочемъ, по ея расчету, не могло и дойти. Какая кому до этого нужда? Старики сами постыдятся выставить себя передъ міромъ свахами и уже для одного приличія примутъ Акулинишну въ подставныя посредницы. На этомъ основаніи, она тотчасъ же отправилась къ Корюшкину, увѣрилась осторожными распросами въ передней въ истинѣ полученныхъ ею свѣдѣній и затѣмъ, пріосанившись, пошла представиться самому хозяину.

«А я къ вамъ, батюшка Яковъ Иванычъ, съ хорошею вѣстью, аль у васъ уже сердце слышитъ? Королевна–то пышная наша, недотрога–царевна, плачетъ сидитъ, а русу косу–то расплетать не боронитъ; иду, говоритъ, иду. И залилась слезами, сердечная моя, слезами!»

— Полно такъ ли, матушка! — спросилъ Яковъ Ивановичъ, хитро мигнувъ однимъ глазомъ.

«Витъ Богъ, такъ! Вѣдь я сейчасъ отъ нихъ. Помилуйте, шутить что ли я стану такимъ дѣломъ! Вѣдь ужъ я, батюшка, передъ вами отвѣтчица, коли говорю, что идетъ, а не они; они что? разумѣется, отецъ и мать — ну, и только; власть отцовская, а старанье мое; безъ этого нельзя. А ужъ сколько было безпокойства, батюшка! Вѣдь извѣстно, дѣвичій обычай; ну, а стерпится — слюбится.»

— А тебѣ слюбилось? перебилъ ее Корюшкинъ.

«И, батюшка! что про это поминать! Самъ знаешь, моя доля не такая была, покуда былъ живъ покойникъ; вотъ вѣдь мундиръ цѣлъ у меня и теперь, — царство ему небесное! — берегу, батюшка; былъ живъ, такъ и я чиновная была, а теперь, кабы свѣтъ не безъ добрыхъ людей, вотъ хоть какъ вы, Яковъ Ивановичъ съ Мирономъ Степановичемъ — тузы, ужъ нечего говорить, — такъ чтожъ бы я, сирота горемычная, стала дѣлать?»

— Ну, благо кончили, матушка: такъ ли, сякъ ли — да дѣло въ шапкѣ. Не станемъ

поминать старое. Вотъ вамъ за благодарность мою, да еще припасовъ хозяйскихъ, того сего, прикажу вамъ прислать; молитесь Богу за молодыхъ, а мы, старики, помолимся сами за себя. Господь проститъ согрѣшенія наши!

Такимъ образомъ Акулинишна, уладивъ дѣло, явилась на смотрины не только какъ посвященная во всѣ тайны, но и въ родѣ правой руки хозяйки и распорядительницы...

Вечеръ этотъ въ свое время пришелъ. Позваны были только свои да близкіе, но и ихъ набралось довольно. Въ то время еще стеариновыхъ свѣчей не было, и Марѳа Алексѣевна, расхаживая между гостями, принимая поздравленія и привѣтствія, оборачивалась то направо, то налѣво и своеручно снимала со свѣчей. Для барынь подавали темныя чарочки, чтобъ невидно было со стороны, много ли въ нихъ налито; а коли гостья жеманилась, то смѣтливая хозяйка отводила ее во внутренніе покои, посмотрѣть домъ, а въ спальнѣ доставала изъ маленькаго поставца штофчикъ. Когда

гостья и тутъ еще отказывалась, то Марѳа Алексѣевна оглядывалась, подходила къ дверямъ, нѣтъ ли свидѣтелей, и если не было никого, то она вовсе становилась въ тупикъ, не понимая, что бы это такое значило, что гостья не пьетъ?.. Вообще, угощенія разносились на подносахъ огромной величины, и прислуга обоего пола при этомъ кланялась каждому гостю, указывая носомъ на рюмки, стаканы или тарелочки. Впрочемъ, такой подносъ обыкновенно пускался въ круговую, въ сопровожденіи одного изъ членовъ благословеннаго семейства, съ обязанностію кланяться, потчивать и угощать.

Акулина Герасимовна съиграла комедію свою превосходно; иногда, правда, сыпались шуточки и намеки со стороны того или другаго изъ сватовъ, на счетъ не совсѣмъ удачнаго сватовства ея; но она отъигрывалась такъ мастерски, что никто изъ постороннихъ не могъ понять настоящій смыслъ дѣла, и притомъ громогласно

выражалась объ этой свадьбѣ, какъ о своемъ стараньи.

Яковъ Ивановичъ вошелъ такимъ козыремъ, такимъ молодцомъ, что любо было на него посмотрѣть. Голова была примаслена и хорошо расчесана, волосы вились легкой волной. Новый праздничный сюртукъ, саржевый платокъ на шеѣ и нѣмецкіе сапоги довершали благоприличный нарядъ.

Въ одной рукѣ, Яковъ Ивановичъ держалъ на отлётѣ пуховую шляпу съ низкой тульей, въ другой красный бумажный клѣтчатый платокъ, сложенный какъ вышелъ изъ подъ утюга.

За Яковомъ Ивановичемъ шелъ сынишка его, какъ онъ называлъ его сегодня во весь вечеръ, рослый, хорошо сложенный женихъ, но немного необтёсанный, да и вовсе не съ жениховской осанкой. Онъ болтался какъ–то на ходу со стороны въ сторону, въ длинномъ синемъ сюртукѣ по самыя пятки, какъ чубукъ въ чехлѣ, глядѣлъ въ землю и будто прятался за отца.

Корюшкинъ обнялъ встрѣтившихъ его хозяевъ, наговорилъ нѣсколько шумныхъ пожеланій и сейчасъ же просилъ показать суженую, примолвивъ: «Мнѣ, мнѣ покажите, а не ему; ему не надо; онъ наглядится еще; а мнѣ поцѣловать дайте ее, чтобъ всѣ люди видѣли, какихъ красавицъ старикъ цалуетъ, что и не всякому молодому удастся, а? Ха, ха, ха!»

Корюшкинъ, исполнивъ все это на дѣлѣ, разсказалъ невѣсткѣ, какъ онъ берегъ сынишка для нея и строго его держалъ, билъ его любя и наказывалъ не воровать, не пить, не шататься; совѣтовалъ невѣсткѣ также и впередъ не баловать муженька, держать его въ рукахъ и прочее.

Параша была недурна собой, но и не изъ–ряду–вонъ хороша. Кругленькое, пухленькое, чистенькое личико, плосковатое, носикъ маленькій, брови тонкой дугой, глаза хорошенькіе, но безъ души. Роста была она небольшаго, но когда сидѣла, то казалась выше, потому что была, какъ большая часть русскихъ женщинъ, коротконожка. Одѣвалась она по новому,

въ нѣмецкое платье; платочекъ носила, свернувъ его въ клубочекъ и взявъ въ два кулачка передъ собою. Сложеніе ея показывало, что плоть вскорѣ должна одолѣть духовное начало, и что забота о житейскомъ и насущномъ составитъ единственную потребность этого существа, теперь еще довольно миловиднаго. Ей, впрочемъ, въ томъ кругу, гдѣ она выросла, легко было казаться любезною: говорить не приходилось ей, какъ дѣвушкѣ, никогда, и стоило только молчать, присѣдать и слегка улыбаться.

Кончивъ привѣтствіе будущей невѣсткѣ своей, Яковъ Ивановичъ присѣлъ тутъ же и смолкъ, какъ будто прикусилъ языкъ, а между тѣмъ не спускалъ молодой съ глазъ. Взявшись раза два за бороду, онъ какъ будто призадумывался, потомъ оглядывался кругомъ, какъ будто кого искалъ, — наконецъ вздохнулъ, испросивъ въ полголоса прощеніе грѣхамъ своимъ, всталъ и вышелъ въ залу.

Тамъ мужчины собрались вокругъ стола и дивана, стояли, сидѣли и шумно

бесѣдовали. Между ними былъ и самъ хозяинъ и молчаливый женихъ. Этотъ, впрочемъ, сначала глядѣлъ на все скучно; но какъ о колбасницѣ онъ не смѣлъ и думать, и жениться на ней никогда не приходило ему въ голову, то новое положеніе жениха согрѣло его понемногу, взглядъ на пригоженькую невѣсту, которую онъ такъ сказать самъ выбралъ, обольстилъ его на время; поздравленія и привѣтствія, произносимыя со всѣхъ сторонъ съ такимъ видомъ, что есть–де съ чѣмъ поздравить и есть чему позавидовать — поздравленія эти немножко тронули самолюбіе его и какъ ему дѣваться было некуда, то онъ пріободрился и считалъ судьбу свою не совсѣмъ дурною.

Въ это время, подошелъ къ кружку твердымъ шагомъ старикъ Корюшкинъ, съ лицомъ важнымъ и нѣсколько озабоченнымъ; окинулъ молча всѣхъ глазами и присѣлъ на диванѣ, среди круга, гдѣ ему тотчасъ же очистили почетное мѣсто. Онъ взглянулъ раза два на сынишка своего, который какъ–то взгляда этого не

понялъ, а потомъ опять на другихъ собесѣдниковъ, и кивнувъ на сына бокомъ головой, между тѣмъ, какъ самъ уставилъ глаза на третьяго, сказалъ: «Каковъ молодецъ? а? Да ты, Петя» продолжалъ онъ, положивъ правый локоть на столъ и подпершись лѣвымъ кулакомъ въ бокъ: «да ты, Петя, какъ я погляжу на тебя, не вовсе дуракъ; ты, даромъ глядишь свинкой, а толкъ таки знаешь! Ну, куда же тебѣ за такую дѣвку свататься? Ну, по тебѣ ли, хоть на людей пошлюсь, по тебѣ ли эдакая невѣста? а? и откуда ты въ голову себѣ забралъ, чтобъ быть ей тебѣ ровней? Сватушка, плюнь ты на него, сдѣлай милость плюнь, да ударимъ по рукамъ со мной; вотъ тебѣ женихъ, такъ женихъ! Да, братъ, Петръ Яковлевичъ, не таращь глаза–тѣ, эдакая несмѣяна царевна и нашему брату подъ стать будетъ, не только тебѣ! по рукамъ, что ли, сватушка? вотъ при всѣхъ добрыхъ людяхъ рѣшай; половину добра отпишу на ея имя — не тогда какъ Богъ по душу пошлетъ, не въ завѣщанiи, а теперь отпишу, заживо, хоть сегодня! Ну? чтожъ

ты глядишь на меня ровно я тебѣ сказки сказываю? Нужды нѣтъ, что старики; мы съ тобой заткнемъ за поясъ молодёжъ нынѣшнюю. Пузыри, ей Богу, пузыри! Ну? не учиться стать намъ съ тобой невѣстъ просватывать, не за Акулинишной же посылать!»

— Что такое, что такое? кто меня? — кричала Акулина Герасимовна, вбѣгая изъ сосѣдней комнаты.

«Да что же», сказалъ въ раздумьѣ Миронъ Степановичъ: «коли дѣло сталъ говорить, сватушко, такъ быть по твоему; нѣкуда дѣваться мнѣ: вѣдь вотъ свидѣтелей довольно!»

— Что такое? — кричала Акулинишна, положивъ руку на плечо одного изъ озадаченныхъ слушателей, который растянулся въ креслахъ и опустилъ руки: — что такое?

«Ничего, матушка», отвѣчалъ тотъ, въ какомъ то недоумѣніи: «такъ — они, промежь собой шутятъ.»

Новый женихъ всталъ, обнялъ Мирона Степановича, поцаловалъ его трижды,

справа и слѣва. Всѣ встали, и когда Яковъ Ивановичъ повернулся кругомъ на каблучкѣ, свиснувъ и притопнувъ: «вотъ вамъ женихъ–отъ, господа!» то бородачи вдругъ закричали ему «ура!», всѣ двинулись въ гостинную, гдѣ дѣло кончено было въ двухъ словахъ, и Корюшкинъ обнялъ опять — ужъ не невѣстку свою, а невѣсту, которой было сказано тутъ же, что Яковъ Ивановичъ отписываетъ ей половину своего имѣнія. Она при этой перемѣнѣ судьбы своей даже не измѣнилась въ лицѣ: она сѣла такъ же спокойно и скромно, какъ прежде, на свое мѣсто.

Поздравленія начались снова, подчиванье также; удалая штука Корюшкина оживила и развеселила стариковъ, которые всѣ считали себя въ эту минуту двадцатью годами моложе. «Ай да мы! вотъ какъ наши!» раздавалось со всѣхъ сторонъ, и въ шумномъ кругу около жениха. Акулинишна мастерски пристала подъ этотъ ладъ, пошла плясать, прищелкивая и припѣвая: «таки высватала, высватала», ко всеобщей утѣхѣ

расходившейся братіи. Долго еще никто не замѣтилъ, что Петруши ужъ тутъ не было.

Все такъ ловко и хорошо уладилось, что гости, разъѣзжаясь по домамъ, едва только могли вспомнить и сообразить, что званы были на помолвку Корюшкина сына, а не отца; отецъ же, только выходя на крыльцо, спохватился Петруши и сказалъ: «экой пострѣлъ!» и отвѣчалъ сосѣду, который спросилъ: «ну а съ нимъ теперь какъ же будете, Яковъ Ивановичъ?» — Онъ что? молокососъ, еще мозглякъ, его еще вотъ поучить надо сперва путемъ, а тамъ успѣемъ, не уйдетъ!

ГЛАВА VI.

Колбаса прогорклая, ядовитая.

Между тѣмъ, Петруша пришелъ домой въ горькомъ отчаяніи: его такъ сильно позывало теперь къ Розочкѣ, какъ, можетъ

быть, и въ прежнее время не случалось. Чувства его снова пробудились съ такою силою, что онъ готовъ былъ наложить на себя руку. Но Вилимъ Карловичъ самъ не пуститъ его къ себѣ въ домъ; объ этомъ и думать нечего. Петруша сидѣлъ подлѣ роковаго органа, облокотившись на него, и рукоятка какъ–то попалась ему въ руку. Много, много воспоминаній погребено было для него въ этихъ вальсахъ и экосезахъ, даже въ фальшивой дудкѣ, которая перекрикивала всѣхъ товарищей своихъ и заканчивала некстати каждую штучку, даже и въ этомъ! Сколько веселыхъ, невинныхъ шутокъ, бывало, раждали звуки эти и — никто не ворчалъ тогда на Петю; никто не бранилъ его и не попрекалъ, то и дѣло, отеческою властію и правомъ своимъ: такъ все было хорошо, укромно и сладко!

Петруша повернулъ въ раздумьи рукоятку, плакалъ въ три ручья, облокотившись на завѣтный органъ свой, и мечталъ, заносился думами и все вертѣлъ да вертѣлъ, наигрывая веселенькія штучки.

«И опозорилъ меня передъ глазами всего города», думалъ Петруша: «позвавъ, какъ дурака, на помолвку эту; родной отецъ отбилъ невѣсту у сына — годится ли это? Не надо мнѣ ея, ей–Богу не надо! не то на душѣ, и слава Тебѣ, Господи, что избавилъ отъ нея; а все–таки горько, что ничего не дается мнѣ! При всѣхъ людяхъ, на стыдъ мнѣ, имѣнье отписалъ ей — Господь съ нимъ: не зарился я на него никогда. — Вездѣ я дуракъ; тамъ только, у Вилима Карловича, не былъ я дуракомъ: тамъ было мнѣ хорошо. Бывало, подъ этотъ вальсъ (онъ все еще вертѣлъ органъ) она всегда подпѣвала и какія–то нѣмецкія слова подбирала»...

— Вотъ какъ Петруша мой забавляется! — сказалъ Яковъ Ивановичъ, вступая въ комнату, куда привела его нежданная музыка: — ай да Петя! Ну, вотъ за это похвалю, ей–Богу похвалю! Уважай отца, Петруша, знай, что ему вездѣ впередъ дорога передъ тобой, а ты ужъ за нимъ. У самого дѣти будутъ, тоже скажешь. Не тужи; найдемъ: ты подумай–ка о

Митрясовой, чуть ли она тебѣ не сподручнѣй будетъ!

«Не хочу, батюшка, видитъ Богъ, не хочу», сказалъ Петруша: «и этой не хотѣлъ и не тужу по ней, — передъ тобой, батюшка; и той не хочу... Охъ, дайте отдохнуть!»

Отецъ посмотрѣлъ на него и, видя его въ большомъ разстройствѣ, сказалъ первое умное слово изъ всѣхъ, какія мы доселѣ отъ него слышали. Ему таки жаль стало сына; онъ успокоилъ его, обѣщалъ не неволить и предложилъ, не хочетъ ли онъ провѣтриться и протрястись, съѣздить по торговымъ дѣламъ на Украйну. Старикъ какъ–то самъ почувствовалъ, что лучше сына сбыть на время и съиграть свадьбу безъ него; что онъ тутъ будетъ лишній человѣкъ. Петруша упалъ отцу въ ноги: такъ онъ этому предложенію обрадовался, и оба разстались въ самомъ веселомъ расположеніи и были другъ другомъ такъ довольны, какъ давно не бывали.

Черезъ нѣсколько дней, Петруша ускакалъ уже изъ Тугарина, въ такомъ же

спокойномъ и веселомъ расположенiи духа. Ему казалось, что у него гора съ плечъ свалилась: такъ у него отлегло отъ сердца, такъ легко онъ дышалъ, такъ привѣтливо встрѣчалъ всякiй новый предметъ на пути.

Вскорѣ за тѣмъ, состоялась и свадьба Якова Ивановича, которую старики о–сю–пору помнятъ въ Тугаринѣ. Тутъ Корюшкинъ не запиралъ воротъ на запоръ, залучивъ къ себѣ гостей; двѣ недѣли сряду ворота и всѣ двери въ домѣ стояли настежъ, и не только изъ домовъ гостей, съ улицы зазывали всѣхъ прохожихъ, какого–бъ званiя ни были, и для всѣхъ съ девяти часовъ утра до поздней ночи, были накрыты столы въ разныхъ покояхъ. Двѣ недѣли сряду день и ночь не успѣвали готовить и подавать питiя и кушанья, и долго еще хвалился Яковъ Ивановичъ, что у него въ это время одного серебра украли тысячи на три; а полы такъ выбили сапогами, что надо было строгать ихъ и перебрать снова. Полицiя принуждена была унять Якова Ивановича, потому что весь народъ въ Тугаринѣ былъ пьянъ съ утра до

ночи и весь городъ пошелъ было кверху ногами; поэтому разливанное море и ограничилось, къ прискорбію Якова Ивановича, двумя только недѣлями.

Обратимся теперь къ дому Вилима Карловича, гдѣ ничего не вышло изъ обыкновеннаго порядка вещей, но гдѣ, между тѣмъ, также произошли значительныя перемѣны. Мы беремъ теперь всего слишкомъ годъ спустя послѣ размолвки Тофельса съ Корюшкинымъ, или со дня отправленія отъ перваго къ послѣднему вокальной и инструментальной музыки — въ лицѣ отчаянно–хрюкающей ютландской свиньи и вторившаго ей органа. Петруша не возвращался еще изъ своей поѣздки.

Принявъ одобрительно объявленіе старшей дочери, Катерины, по поводу неоднократнаго сватовства, что она замужъ идти не хочетъ, а остается при старикахъ, помогать по хозяйству, Вилимъ Карловичъ только было расположился отдохнуть послѣ такихъ важныхъ событій, какъ нашелся женихъ для второй дочери его, Розочки.

Слабость Тофельса была — отдать дочерей за нѣмцевъ; а потому нѣмцы средняго званія всѣхъ окружныхъ городовъ, зная хорошее состояніе Тофельса, пріѣзжали знакомиться съ нимъ и попытаться счастія. Тутъ черезъ Акулинишну нельзя было дѣла сдѣлать, и потому женихи являлись на лицо.

Розочкинъ женихъ былъ мелкій чиновникъ изъ уѣзднаго города; выжига, коли хотите, а все–таки нѣмецъ. Выжига былъ онъ не въ томъ смыслѣ, какъ даютъ названіе это чистому серебру, которое добывается огнемъ изъ поношенныхъ галуновъ; а въ томъ значеніи, которое придаютъ этому слову, говоря о людяхъ, и въ особенности о чиновникахъ. Онъ прошелъ огонь и воду, какъ тройной спиртъ, и такъ обтерпѣлся, что не боялся болѣе ни огня, ни воды.

О татарахъ нашихъ говорятъ обыкновенно, что татаринъ или совсѣмъ честный и надежный человѣкъ, котораго можно обсыпать золотомъ, — или, ужъ если онъ мошенникъ, то мошенникъ весь, душой

и тѣломъ. Нѣчто въ этомъ родѣ, кажется, можнобъ было сказать вообще объ иностранцахъ, поселившихся въ Россіи; по крайней мѣрѣ, они иногда съ удивительною способностію входятъ въ мѣстные нравы и въ самое короткое время вполнѣ къ нимъ пріурочиваются. Такихъ продувныхъ плутовъ и отъявленныхъ негодяевъ, какъ навертываются иногда изъ числа полуобрусѣвшихъ иностранцевъ, надо поискать и между своими.

Шифбрухъ, человѣкъ, о которомъ мы теперь говоримъ, малый очень благовидный, взялся Богъ вѣсть откуда, и, вступивъ, изъ отставки, на службу въ одинъ изъ уѣздовъ Тугарина, обратилъ на себя вниманіе цѣлаго городка: такой онъ былъ развязный, говорливый, расторопный, ловкій; а вскорѣ показалъ и служебную рысь свою, сдѣлавшись, при ничтожномъ мѣстишкѣ, человѣкомъ довольно значительнымъ. Онъ, правда, бралъ на себя часто гораздо болѣе того, что могъ сдѣлать или исполнить; при всемъ томъ, однакожъ, у него повидимому было какое–то вліяніе свыше настоящаго

значенія его, путями темными, неисповѣдимыми — и была большая оборотливость и сноровка. Онъ одѣвался всегда очень благовидно, принималъ какую–то осанку, вызывающую неопытныхъ на почтительность, и съ большою обязательностію брался за всякое, сколько нибудь лакомое дѣло. Чтобъ нѣсколько съ нимъ познакомиться, приведемъ примѣръ.

Въ томъ же уѣздномъ городкѣ жилъ скорнякъ, принимавшій на лѣто шубы для сохраненія отъ моли. Почти каждому изъ жителей случилось убѣдиться на дѣлѣ, что сохранность шубъ у скорняка была крайне сомнительна, или, лучше сказать, случайная; большею частію шубу съѣдала моль, или изъ нея выпарывали лучшія части и вставляли прѣлые, облѣзлые лоскутья; иногда шуба и вовсе пропадала. Скорнякъ этотъ, по видимому, былъ того же мнѣнія о шубѣ, какъ цыганъ о лошади — то есть, что краденая обойдется не въ примѣръ дешевле купленной. Не смотря на это, однакожъ, у скорняка къ лѣту всегда опять набиралось

нѣсколько десятковъ шубъ и нѣкоторыя изъ нихъ возвращались въ цѣлости. Но въ число сихъ послѣднихъ не угодила зимняя одежда одного изъ вновь прибывшихъ жителей помянутаго городка: енотовая, довольно хорошая шуба, возвратилась съ большими вставками изъ «сторожковаго», или по просту сказать, собачьяго мѣха. Хозяинъ шубы поднялъ страшный крикъ, никакъ не хотѣлъ признать собачій мѣхъ енотовымъ, а скорняку не хотѣлось отвѣчать за продѣлку свою, и потому онъ, по совѣту опытныхъ людей, забѣжалъ, на всякій случай, къ Шифбруху, просить у него защиты.

«Такъ въ чемъ же дѣло?» спросилъ Шифбрухъ.

— Да вотъ, батюшка, грозятся, изволите видѣть, обидѣть нашего брата. Взялъ я, признаться, шубу Ивана Карповича подъ сохранность и берегъ таки ее пуще глазу, все въ чуланчикѣ висѣла подъ рѣшетами — и припорашивалъ и выколачивалъ, какъ слѣдуетъ, и таки нечего сказать, что берегъ; да какъ–то вотъ сталось, что не

признаютъ Иванъ Карповичъ шубы своей; вставки, говоритъ, есть, выкрали мѣхъ. Я сперва было поуспокоить ихъ хотѣлъ и далъ на подержаніе свою шубу, попроще, — ну, и передѣлалъ ихнюю опять, перебралъ, какъ слѣдовало быть, и таки настоящаго енота поставилъ; а все не признаютъ, не принимаютъ; ну, что же я стану дѣлать? требуютъ съ меня 800 рублевъ, а мы, извѣстно, люди бѣдные, что заработаемъ то и съѣдимъ; гдѣ же я ему возьму чего нѣтъ? такъ не оставьте, батюшка, своими милостями!

Не говоря ни слова, Шифбрухъ взялъ перо въ руки и началъ писать съ большимъ одушевленіемъ. По временамъ только, онъ обращался къ скорняку съ короткими вопросами, о цѣнѣ шубы, о времени отдачи, и тому подобное. «Ну, слушай», сказалъ онъ, «такъ что ли будетъ?» и началъ читать:

«Такого–то числа и мѣсяца здѣшній помѣщикъ Иванъ Карповъ отдалъ мнѣ весьма поношенную и вытертую енотовую шубу свою, съ тѣмъ, чтобъ ее перешить,

перебрать всю и прибавить одиннадцать енотовыхъ шкурокъ, которыя самъ тутъ же и осмотрѣлъ. Условившись въ цѣнѣ, я сказалъ ему, что на срокъ сработать шубы не берусь, потому что у меня работы много; на что онъ и согласился, прося меня въ такомъ случаѣ оставить у себя на сохраненіи, до осени, и обѣщавъ за это также уплатить причитающіеся 10 рублей. Впослѣдствіи онъ, однакожъ, не принялъ отъ меня исправленной и перебранной шубы, съ прибавкою одиннадцати енотовъ, подъ предлогомъ, будто она не вся перебрана и еноты не хороши. Во избѣжаніе обидъ и притѣсненій, я вынужденъ былъ снова передѣлать шубу, на что пошло не мало времени, трудовъ и мѣха; но какъ настали холода, то г. Карповъ просилъ меня дать ему изъ проката другую шубу, до изготовленія его собственной; посему я и отдалъ ему, съ платою по десяти рублей въ мѣсяцъ, енотовую же шубу, стоившую 500 рублей. Наконецъ нынѣ, когда я перебралъ еще разъ шубу его всю снова и поставилъ всего

13 своихъ шкурокъ, г. Карповъ, проносивъ мою шубу въ теченіе цѣлой зимы и сдѣлавъ ее совершенно негодною къ употребленію, отъ платежа всякихъ денегъ, по вышеозначенному условію отказывается. Посему я прошу покорнѣйше удержать его отъ такихъ дѣйствій, клонящихся къ крайней обидѣ моей и разоренію, и взыскать съ него г. Карпова слѣдующія мнѣ деньги, а именно:

За сохраненіе енотовой шубы его у меня въ теченіе пяти мѣсяцевъ. . . . . .10 руб.

За двукратную передѣлку шубы по 25 рублей. . . . . .50 —

За 13 лучшихъ шкурокъ енота, по 25 рублей. . . . . .325 —

За прокатъ шубы моей, за четыре мѣсяца. . . . . 40 —

За самую шубу, которая не годна болѣе къ употребленію и взять ее обратно не желаю. . . . . 500 —

Итого . . . . . .
. .925 руб.

Хотя я, по бѣдности своей понесъ при семъ случаѣ большіе убытки, но будучи въ крайнемъ положеніи и притомъ обремененъ большимъ семействомъ»...

«У тебя дѣти есть?» спросилъ онъ скорняка.

— Нѣтъ, батюшка, Богъ не далъ, что впередъ развѣ... я человѣкъ одинокій, холостой.

«Ну, племянники, племянницы есть?»

— Есть, батюшка, въ Бѣлевѣ есть, и въ самомъ Орлѣ есть два племянника.

Шифбрухъ сталъ читать дальше... «семействомъ, желаю получить хотя малое вознагражденіе и заботясь о прекращеніи нанесенной мнѣ обиды, я другихъ счетовъ не вывожу и не полагаю никакихъ на капиталъ свой процентовъ, а прошу униженно о избавленіи меня отъ жестокихъ притѣсненій, разоряющихъ все мое малое достояніе, пріобрѣтенное честными трудами; вслѣдствіе того, прошу только объ

уплатѣ мнѣ г. Карповымъ 925 рублей, съ оставленіемъ за нимъ, какъ его собственной, передѣланной мною шубы, такъ и моей, изношенной имъ и негодной болѣе ни къ какому употребленію».

Когда Шифбрухъ кончилъ и взглянулъ на скорняка, то этотъ бухнулся ему въ ноги и чуть не залился слезами: такъ обрадовался онъ новому и нежданному обороту дѣла. Шифбрухъ придержалъ просьбу правой рукой, отвелъ лѣвою отъ себя скорняка, который, въ слѣдъ за поклономъ, полѣзъ было цѣловаться съ дуру — и просьба была передана не иначе, какъ на извѣстныхъ условіяхъ, коихъ часть выполнена, со стороны просителя, на мѣстѣ. Къ этому очерку остается присовокупить только, что скорнякъ, отъ котораго Карповъ не хотѣлъ принять испорченной шубы своей, дѣйствительно далъ ему на подержаніе какую–то сторожковую шубу, съ просьбою взять ее на нѣсколько дней и съ обѣщаніемъ исправить енотовую шубу за–ново, вынуть всѣ вставки и заплатки собачьяго мѣха и

поставить опять на мѣсто ихъ енотъ, но, не сдѣлавъ ничего, потому–что давно уже пропилъ выкраденныя шкурки, не зналъ какъ раздѣлаться и былъ чрезвычайно изумленъ и обрадованъ этою нежданною помощію. Въ замѣчательной просьбѣ этой, впрочемъ, все было солгано, съ неимовѣрною наглостію, хотя весь разсказъ походилъ на правду и все сплетено было довольно правдоподобно; и бѣдному Карпову, вмѣсто вознагражденія за шубу его, навязали на шею тяжбу, по которой съ него же требовалось 925 рублей.

Это же самое дѣло, по которому возникло нѣсколько опасное разбирательство, привело Шифбруха въ губернскій городъ. Самъ Шифбрухъ, конечно, былъ при этомъ, какъ и всегда, въ сторонѣ; онъ рѣдко мѣшался въ подобныя дѣла своимъ лицомъ, и на бумагѣ имени его не было; просьбу переписалъ какой–то пригодный къ этому писаришко и подписался: «просьбу со словъ просителя сочинилъ и набѣло переписывалъ такой–то». Но, при всемъ этомъ, дѣло приняло

немножко опасный оборотъ: могли выдать молодца, и потому онъ прикатилъ заблаговременно предупредить подобную непріятность.

Познакомившись въ домѣ у Тофельса, Шифбрухъ въ три дня былъ у него свой. Матери прислуживался онъ рѣзными и клееными подмоточками, важными хозяйственными секретиками и досталъ ей какихъ–то рѣдкихъ сѣмянъ; отцу угождалъ веселымъ нравомъ своимъ, шуточками, отъ которыхъ всѣ хохотали до упада, пикетомъ и дѣльными, по наружности, сужденіями о многихъ предметахъ; дѣвушкамъ же рѣшительно не давалъ опомниться: такъ онъ закидывалъ ихъ забавами всякаго рода и увеселялъ бесѣдой. Онъ игралъ на клавирѣ множество новыхъ — для семейства Тофельса, которое училось играть по органу Кльрюшкина — танцевъ и пѣсенокъ; пѣлъ, для старика, любимую нѣмецкую пѣсню его о кнастерѣ и штетинскомъ пивѣ; онъ дѣлалъ множество искусныхъ штукъ картами, монетами, ниточкой — всѣмъ, что попадалось ему

подъ руку; зналъ безчисленное множество загадокъ, шарадъ и анекдотовъ. Нельзя сказать, чтобъ все это выходило у него въ лучшемъ тонѣ; но на обращеніи его былъ какой–то поверхностный лоскъ и для средняго, мѣщанскаго сословія, къ которому принадлежало семейство Тофельса, этого было за–глаза достаточно. Старикъ именно указывалъ на него, на земляка по языку, какъ на примѣръ образованности, въ сравненіи съ приказными мѣстнаго происхожденія.

Такимъ образомъ, Шифбрухъ опуталъ въ самое короткое время все семейство Тофельса невидимыми тенетами своими; всѣ были въ восторгѣ отъ него, и старикъ часто восклицалъ: «Вотъ это человѣкъ, такъ человѣкъ!» Налгавъ имъ съ три короба о похожденіяхъ своихъ, которыя занесли его, при такихъ достоинствахъ и дарованіяхъ, въ этотъ край, Шифбрухъ объяснилъ загадку по видимому самымъ удовлетворительнымъ образомъ и усилилъ участіе къ себѣ добродушнаго старика.

«Ну», сказалъ однажды Тофельсъ, снимая вечеромъ рабочій бѣлый нарядъ свой и облекаясь въ бѣлый домашній, въ канифасный, долгополый сюртукъ: «ну, любезный мой Шифбрухъ, теперь засядемъ въ пикетецъ, не правдали? а маменька намъ подастъ чайку?»

— Нѣтъ! я не стану съ вами больше играть на мѣлокъ, — отвѣчалъ тотъ: — что въ этомъ проку? Ну, дайте мнѣ хоть разъ объиграть васъ хорошенько!

«Экой злодѣй! онъ же меня хочетъ объиграть! Ну, еслибъ я не закаялся разъ навсегда играть на деньги, да я и отъ роду на нихъ не игрывалъ, то проучилъ бы хвастуна!»

— Что же, Вилимъ Карловичъ, за чѣмъ дѣло стало? закаялись играть на деньги — съиграйте на что нибудь получше!

«А напримѣръ?»

— Да позвольте, я у васъ выиграю Розу?

Старикъ захохоталъ.

«Хороши вы. Слышишь, Роза, какіе замыслы? Да какая же мнѣ въ томъ польза, что же я могу на эту ставку выиграть?»

— Меня самого, — отвѣчалъ Шифбрухъ, приподнявъ руки и повернувшись на каблучкѣ: — и тогда вы всячески въ барышахъ, или, можетъ быть, въ проигрышѣ: выиграли — такъ проиграли; проиграли — такъ выиграли.

Шифбрухъ шелъ немножко быстро къ цѣли, какъ мы видимъ, и нельзя сказать, чтобъ это было совсѣмъ по вкусу скромному семейству колбасника; не менѣе того, остроты Шифбруха ходили въ домѣ Тофельса, какъ ходячая монета, и на этотъ разъ такая выходка была также принята, какъ невинная шутка, которая, можетъ быть, предвѣщала нешуточную развязку. Шифбрухъ не ошибся, считая дѣло свое выиграннымъ. Розѣ онъ уже много и часто нашептывалъ, и хотя не слышалъ отъ нея привѣта, но надѣялся не получить и положительнаго отказа. Переговоривъ на другой день со старикомъ глазъ–на–глазъ, Шифбрухъ убѣдилъ его въ пожизненной любви своей къ Розочкѣ и получилъ отвѣтъ, что надо объ этомъ дѣлѣ подумать; онъ уѣхалъ въ свой уѣздъ, черезъ недѣлю

опять пріѣхалъ, опять настаивалъ и, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ бываетъ, когда «подумать» значитъ только привыкнуть къ новой мысли — получилъ согласіе и въ скоромъ времени обвѣнчался.

Что думала Роза, отдавшись этому человѣку, чего надѣялась и каково ей было — можемъ рѣшить только по догадкамъ. Она, конечно, не вышла за Шифбруха по страсти; склонность ея къ нему была дѣтская, поверхностная и возбуждена была свѣтскостію, веселостью и притворнымъ добродушіемъ его, — а еще болѣе, можетъ быть, вліяло на нее отцовское мнѣніе и желаніе. Она отцу повѣрила на слово. Нѣсколько времени не могла она забыть Петрушу, послѣ отъѣзда его, — но бытъ его былъ слишкомъ далекъ отъ ея быта; опомнившись, она поняла, что ей нѣтъ никакой надежды на него; кромѣ того, склонность эта, едва возникшая, была принята отцомъ съ такимъ негодованіемъ, что Роза сама готова была считать ее преступною. Шифбрухъ былъ свой братъ, сверхъ того и чиновникъ, лихой малый,

очень милъ и потому можетъ быть немножко вскружилъ головку Розѣ мимолетнымъ вертижемъ. Этою–то минутой судьба воспользовалась; отецъ и мать, даже сестры уговаривали и настаивали, и Роза, не успѣвъ опомниться, стала невѣстой и — женой.

Двѣ дочери остались еще въ домѣ у Тофельса, а все–таки казалось ему вокругъ пустенько. У каждой были въ домѣ свои занятія, свои дни и часы для всякаго дѣла; куда ни поди, бывало, вездѣ попадаются на встрѣчу то одна, то двѣ, то всѣ три — а теперь стали онѣ встрѣчаться порѣже, и все какъ будто тутъ или тамъ одной не доставало. Спокойствіе и семейное довольство отъ этого не измѣнились; но сдѣлалось тише въ домѣ, а иногда посматривали другъ на друга съ какимъ–то грустнымъ спокойствіемъ. Въ Катеринѣ укрѣпилось намѣреніе, тверже прежняго, не выходить замужъ, а остаться при родителяхъ. Она съ усиленными заботами принималась съ утра за дѣло и, взявъ на себя половину работы и присмотра, много

помогала старикамъ, содержала все въ отличномъ порядкѣ и сама была очень довольна.

ГЛАВА VII.

Судьба будущаго колбасника.

Корюшкина, Якова Ивановича, мы женили; Розочку отдали замужъ, и такимъ образомъ почти покончили дѣла свои на этотъ разъ въ Тугаринѣ. Остался нашъ Петруша, нашъ турецкій чубукъ въ чехлѣ, и надобно теперь послѣдовать за нимъ.

Какъ неопытному юношѣ, который выросъ на сайкахъ и только для науки получалъ иногда, мимоходомъ, тумака, и притомъ какъ человѣку, который отъ природы хотя нѣсколько мыслилъ, Петрушѣ все показалось ново и странно, когда онъ, потянувшись въ первый разъ изъ

пеленъ своихъ, вышелъ на вольный свѣтъ. Полной воли ему отецъ не далъ въ дѣлахъ, но все–таки поручилъ поучиться, присмотрѣть за прикащиками въ Ростовѣ, Саратовѣ, Коломнѣ и Харьковѣ, посовѣтоваться съ ними и сдѣлать кое–какіе закупы. Проходя съ гуртами скота изъ одной губерніи въ другую, Петруша узналъ на дѣлѣ много и понялъ, какимъ образомъ самыя благія распоряженія могутъ дѣйствовать превратно, если они написаны съ лица, а исполняются съ–изнанки: онъ узналъ, какъ обстоятельство это можетъ затруднять торговлю, обороты и общительность, болѣе чѣмъ самый недостатокъ всякихъ мѣръ и распоряженій и дикое состояніе страны. Тутъ подгородные луга всѣ взяты были на откупъ однимъ барышникомъ, который беретъ съ гуртовъ что хочетъ и выручаетъ 500 на сто; тамъ принято за постоянное правило взыскивать съ прогоннаго гурта, кромѣ условнаго, еще за потраву, которой и не было вовсе, но за которую гуртовщики должны были расплачиваться, чтобъ только

высвободиться и угнать скотъ, потому–что имъ каждый день задержки будетъ стоить не меньше небывалой потравы. Всюду свидѣтельствуютъ, здоровъ ли скотъ, нѣтъ ли чумы, и безъ этого не пропускаютъ, — а это опять стоитъ гуртовщику по нѣскольку копеекъ съ головы. Не давай, говорятъ; самъ виноватъ коли даешь; и Петруша было попытался не дать да только одинъ разъ, а послѣ опять расплачивался честно, да еще кланялся и просилъ, чтобъ взяли: свидѣтельства не выдадутъ, такъ уйти нельзя; и сиди съ гуртомъ, который съѣстъ въ трои сутки всѣ кормежныя деньги. Но бывало не только это, а бывало и то, что незнакомые люди, называвшіе себя сильнымъ въ этомъ кругу званіемъ, встрѣчали гурты на границахъ каждаго уѣзда и взымали проходную пошлину за пропускъ. Самая прописка паспорта, въ каждомъ городѣ, никогда не обходилась у Петруши безъ почеса затылка: такую принялъ онъ привычку, когда стаивалъ у воротъ, или у подъѣзда заведенія, иногда по цѣлымъ днямъ, между тѣмъ, какъ по

своимъ расчетамъ прошелъ бы дальше, не запнувшись въ этомъ городкѣ ногой. А между тѣмъ, скотина хочетъ ѣсть, и прописчики, хорошо зная справочныя цѣны, хорошо расчитываютъ, во что можно оцѣнить каждый часъ или день простоя.

Петруша увидѣлъ и узналъ на дѣлѣ, что значитъ прижимка и задержка гуртовщика на переправѣ, гдѣ берутъ съ него что захотятъ или переправятъ одну часть гурта, а другую держатъ, и зная, чего станетъ бѣдному хозяину такое разстройство, вымогаютъ съ него послѣднее. А что тогда, если еще погрозятъ гдѣ нибудь признать одну или двѣ скотины сомнительными, остановить и оцѣпить весь гуртъ и заставить хозяина кормить его сухимъ кормомъ, чтобъ не заразить на пастбищѣ другой скотины? Словомъ, Петруша теперь только понялъ, какимъ образомъ скотопромышленнику каждые 30 рублей, съ поставкой на мѣсто, обходятся въ 60; сколько горя надо перенести бѣдному хозяину и сколько у него испортится крови, покуда онъ пригонитъ благополучно гуртъ

свой на мѣсто. А дѣло такъ просто; такъ спокойно, казалось бы, можно пройти съ добромъ своимъ тысячу другую верстъ и продать на мѣстѣ по дешевой цѣнѣ, потому что самому сходно досталось! Вотъ откуда и поговорка наша: за моремъ телушка полушка, да рубль перевозу!

«Какъ же тебѣ не грѣшно», сказалъ Петруша однажды должностному крестьянину: «какъ тебѣ не грѣшно драть этакъ, ни дай, ни вынеси, съ прохожаго человѣка! Побойся ты Бога!»

— Да, братъ, — сказалъ тотъ: — побудь–ка ты на нашемъ мѣстѣ, такъ узнаешь. Вѣдь и я ѣсть хочу, не хуже тебя, хоть и съ посохомъ хожу; а пашню–то за меня никто не обработаетъ!

«Да вѣдь вы за то на жалованьѣ; вамъ же съ міру за службу вашу и положено не мало», замѣтилъ Петруша.

— Не разъѣшься ты имъ, — отвѣчалъ спокойно тотъ, — какъ въ другихъ мѣстахъ, а у насъ, братъ, хоть иной дуракъ, вотъ какъ и ты, попрекнетъ нашего брата, да понапрасну. Коли я въ должности, такъ

хозяйство у меня безъ рукъ и безъ пригляду; а какъ запустишь его, такъ послѣ не скоро и поправишь. Жалованьемъ нашъ братъ не разживется; оно хоть и казалось бы не совсѣмъ его мало, да у должностнаго человѣка и расходы не тѣ: тутъ гоньба день деньской, а ину пору наѣдутъ, да и живутъ; а у кого, не у кого, какъ у меня таки; кто ни заѣхалъ, все къ намъ да къ намъ. Тутъ, братъ, одного вина въ годъ выйдетъ, что дай Богъ жалованьемъ покрыть — а заѣзжаютъ–то, братъ, такіе, что безъ хлѣба–соли не выпроводишь, противъ обычая не пойдешь.

«Для чего же», спросилъ Петруша стараго, бывалаго прикащика своего, въ другомъ мѣстѣ: «для чего же подгородныя пастбища отдаются оброчнику, за малую плату, а ему даютъ волю драть съ нашего брата, что хочетъ? Ужъ лучше бъ городъ бралъ прямо съ насъ, такъ и намъ бы сходнѣе, да и ему бы выгоднѣе».

— Нельзя, — отвѣчалъ тотъ: — угодья городскія отдаются у нихъ съ торговъ, да съ утвержденія начальства; нашъ братъ со

скотомъ подойдетъ, такъ тутъ писать въ губернскій городъ да утвержденія выжидать некогда; а по ряду у нихъ отдать нельзя, а все, вишь, съ торговъ.

Отправивъ по принадлежности нѣсколько гуртовъ, въ–теченіе болѣе полугода, Петруша сдѣлалъ новые закупы, также отправилъ ихъ и, не получая долгое время писемъ отъ отца, съ нетерпѣніемъ ожидалъ распоряженій отцовскихъ и высылки денегъ, въ которыхъ нуждался. Между тѣмъ, проходитъ и еще мѣсяцъ, а нѣтъ ни того, ни другаго. Петруша пишетъ письмо за письмомъ, и письма его какъ въ воду — остаются безъ отвѣта, безъ привѣта. Старый прикащикъ отправленъ съ гуртомъ, Петруша остался одинъ хозяиномъ и начинаетъ бѣдствовать и приходитъ въ отчаянье. Онъ прохарчился весь, отпустилъ работниковъ и началъ распродавать по одиначкѣ нѣсколько головъ скота, чтобъ себя прокормить, и дождался до того, что уже и домой ѣхать было не на что. Онъ испыталъ все, старался достать денегъ взаймы, нанять извощиковъ, съ уплатою

имъ денегъ въ Тугаринѣ, но не успѣлъ ни въ чемъ и видѣлъ передъ собою одно: отправиться домой пѣшкомъ, побираясь у добрыхъ людей.

Въ этомъ крайнемъ положенiи сидѣлъ бѣдный Петруша въ какомъ то уѣздномъ городишкѣ, выжидая писемъ и денегъ и потерявъ ужъ всякую надежду и возможность дожидаться, какъ ему попался въ руки печатный листокъ, на которомъ онъ прочиталъ:

«Вслѣдствiе требованiя Тугаринскаго губернскаго правленiя отъ... N..., объ отъисканiи и доставленiи въ Тугаринъ наслѣдника купца Корюшкина, сына его Петра, по случаю состоявшихся на немъ казенныхъ взысканiй, Мухановское губернское правленiе предписываетъ симъ всѣмъ градскимъ и земскимъ полицiямъ произвести розъискъ, и буде оный Петръ Корюшкинъ гдѣ либо окажется, то представить его немедленно по принадлежности».

У Петруши руки опустились и замерло сердце. Этотъ листокъ прибавленiй къ

губернскимъ вѣдомостямъ, открылъ ему вдругъ ужасную для него тайну молчанія отца и, сверхъ того, еще собственное его гибельное положеніе. Отца уже нѣтъ — а самого его отъискиваютъ за казенные долги!

Петруша былъ еще молодъ, а потому проплакалъ цѣлые сутки. Какъ все для него мгновенно измѣнилось — и какъ онъ самъ по себѣ, на свѣтъ и на людей взглянулъ другимъ глазомъ и понятіями! Когда только приходилъ онъ по временамъ на нѣсколько минутъ въ себя, то, въ новомъ положеніи своемъ, самъ себя не узнавалъ; онъ будто смотрѣлъ самъ на себя со стороны. Не зная еще ни какихъ подробностей печальной участи своей, не понимая какъ все это могло статься, Петруша видѣлъ въ непроходимыхъ потьмахъ передъ собою изрѣдка одну только мелькающую искорку, за которую безотчетно держалась память сердца его — хотя и тутъ разсудокъ не понималъ ничего; Петруша на яву и можетъ быть весьма не кстати, грезилъ Розой: это была для него одна свѣтлая точка.

«Въ Тугаринъ надо мнѣ попасть», подумалъ онъ наконецъ: «а тамъ — власть Господня»; перекрестился и всталъ. «Пусть же меня возьмутъ, коли ищутъ, и отправятъ по пересылкѣ; покрайней мѣрѣ, я буду тамъ». Онъ взглянулъ на число объявленія и очень удивился, какимъ образомъ столько времени прошло, и полиція не искала и не потребовала его, и онъ ничего не слышалъ объ этомъ розъискѣ. Собравшись съ духомъ и усердно помолившись, онъ пошелъ въ земскій судъ и явился тамъ, какъ отъискиваемый полиціею сынъ купца Корюшкина. Долго, очень долго тутъ было не до него, и онъ стоялъ какъ проситель, въ числѣ прочихъ, и не понималъ, какимъ образомъ всѣ люди въ этомъ мѣстѣ по видимому оглохли — по крайней мѣрѣ ни одинъ изъ нихъ не отвѣчалъ, проходя мимо по передней, туда и сюда, когда Петруша кланялся ему въ поясъ и являлся, какъ отъискиваемый арестантъ. Наконецъ, присутствіе закрылось и просителей валомъ погнали вонъ. На крыльцѣ удалось ему однакожъ

остановить одного изъ членовъ, въ шитомъ мундирѣ; Петрушѣ сказано было, чтобъ шелъ въ полицію; здѣсь–де городъ, а не уѣздъ.

Въ полиціи объ эту пору никого не было; сторожъ присовѣтовалъ Петрушѣ приходить завтра. И завтра не за горами; Петруша пришелъ; добровольная явка его изумила и озадачила чиновника, который нахмурилъ брови, взялъ изъ рукъ Петра листокъ объявленія, прочиталъ на немъ 27 марта и, оборотившись къ другому, который сидѣлъ за столомъ, спросилъ: «а что, у насъ публикаціи за мартъ очищены?»

— Какъ же–съ; — отвѣчалъ тотъ: уже за половину апрѣля очищены.

«Такъ какъ же быть», продолжалъ первый: «вотъ навязалась бѣда — какой–то дуракъ самъ напрашивается; посмотрите–ка въ дѣлахъ, отъ 27–го марта, Петръ Корюшкинъ».

— Да что же тутъ смотрѣть, — отвѣчалъ тотъ; — извѣстно, что на жительствѣ не оказался; я вѣдь докладываю, что публикаціи всѣ очищены.

«Такъ какъ же быть съ нимъ теперь?»

— Да какъ быть — а намъ онъ на что? пусть его проваливаетъ. Намъ что съ нимъ возиться? пусть идетъ себѣ: тамъ найдутъ, кому нужно. Мы свое сдѣлали, донесли, что на жительствѣ не оказался.

Такимъ образомъ, дѣйствительно прогнали нашего добровольно явившагося арестанта; даже нашелся одинъ такой, что хотѣлъ было этимъ случаемъ воспользоваться и потребовалъ съ Петруши что нибудь за освобожденіе. Не смотря на тяжкое положеніе свое, Петруша, однакоже, при этомъ случаѣ, сострадательно улыбнулся, объяснивъ, что онъ освобожденія не проситъ и не желаетъ.

«Да все таки», возразилъ было тотъ, почесывая голову: «все таки надо бы»...

Петруша продалъ кой–какія бездѣлки и лишнее платье, пошелъ пѣшкомъ, тамъ нанялся въ работники къ обозу, опять шелъ пѣшкомъ, и такимъ образомъ кой–какъ окончилъ бѣдственный, продолжительный путь свой и прибылъ въ Тугаринъ.

Вечернее солнышко было на закатѣ; сѣдая пыль стояла столбомъ надъ немощеннымъ городомъ, и привычные жители называли явленіе это сухимъ туманомъ. Вечерній благовѣстъ, столь знакомый Петрушѣ звукъ колокола, гудѣлъ однообразно надъ мирными жителями; возвращающееся съ поля стадо мычало издали и взбивало по улицамъ густыя облака пыли. Съ какими чувствами выѣзжалъ Петруша, годъ тому назадъ, изъ роднаго Тугарина — и съ какими чувствами теперь возвращался? Сердце сильно у него щемило — что его теперь ждетъ, чѣмъ судьба его разрѣшится?

Онъ подходитъ къ родительскому дому своему, снявъ шапку и перекрестившись; слезы опять пробились ручьемъ. Ворота заперты, ставни забиты, все мертво и пусто. Петруша въ раздумьи обошелъ кругомъ, припоминая лѣта дѣтства своего и все, что сбылось съ нимъ въ этомъ домѣ; а затѣмъ рѣшился идти къ Мирону Степановичу, полагая найти тамъ и мачиху и узнать всѣ подробности своего несчастнаго положенія.

У него недоставало духу спросить о чемъ либо одного изъ встрѣчныхъ и прохожихъ; онъ отворачивался, будто боялся быть узнаннымъ, и крался пустыми улицами, подъ заборами.

Но поворачивая за уголъ, Петруша встрѣтился круто, носомъ къ носу, съ человѣкомъ, котораго никогда не зналъ коротко, но который былъ извѣстенъ всѣмъ незлобностію своею, а притомъ и напомнилъ ему внезапно былые дни и вечера, проведенные въ домѣ Тофельса. Это былъ соловой аптекарь съ мозолями, который узналъ Петра, остановился съ удивленіемъ, опершись одною рукою твердо на трость, со шнуромъ и кистями, поднявъ другую къ верху, какъ значекъ римскаго легіона. Вздернувъ брови, раскрывъ ротъ, онъ сказалъ: А!

Петруша невольно остановился, поклонился и назвалъ старика по имени и отчеству; а нашедъ въ немъ участіе, онъ рѣшился спросить, что именно безъ него сдѣлалось?

«Плохо», сказалъ соловой: « плохо, Петръ Яковлевичъ; да, но я хотѣлъ спросить у васъ... старикъ вашъ скончался, это вы знаете; онъ скончался внезапно, отъ удара, даже ни одного рецепта не было прописано, и говорятъ, кровь не пошла. Вотъ видите ли! Но я бы хотѣлъ знать... да, тутъ говорятъ, сдѣлалось большое замѣшательство; приступили кредиторы, потому что наслѣдника, т. е. васъ, не было, а знали, что большая часть имѣнія передана была покойникомъ на имя жены, т. е. вашей мачихи, и даже на имя тестя, этой кубышки Мирона Степановича; знали также, что покойникъ, особенно въ послѣднее время, хозяйничалъ очень не расчетливо, сорилъ деньгами, вошелъ въ огромные обороты, въ подряды съ казною... Но я бы желалъ знать»...

— Помилуйте, — перебилъ его Петруша: — какимъ образомъ отецъ мой, при его состояніи, могъ разориться; это для меня вовсе непонятно!

«Позвольте» , возразилъ тотъ: «я бы желалъ знать, или я говорю вамъ, что при

новомъ хозяйствѣ пошелъ совершенный безпорядокъ; старикомъ овладѣла молодая хозяйка и родители ея заставляли его пить да гулять, кормить весь городъ, прибирали деньги и запускали дѣла; безъ хозяйскаго глаза, сами вы знаете, какая торговля? И прикащики и всѣ ближніе кинулись грабить старика, а дѣла стали. О, я бы только полюбопытствовалъ... но оно такъ и вышло, залоги въ казнѣ пропали, начетъ открылся огромный, все описали, отобрали, половину растащили — чего вы тутъ хотите ожидать? Миронъ Степановичъ сдѣлалъ свое, и ни онъ, ни дочь его, вдова, теперь не тужатъ; а вотъ вы такъ сѣли! Я бы хотѣлъ знать, хотѣлъ спросить у васъ давно уже, да все какъ–то не случалось, потому что васъ здѣсь не было — какимъ образомъ покойникъ рѣшился на такой неровный и невыгодный бракъ?»

— Не знаю — сказалъ Петруша.

«Ну, чего можно было ожидать отъ семейства», продолжалъ аптекарь съ мозолями: «отъ Мирона Степановича? Да, Миронъ Степановичъ, не смотря на свое

богатство, и на богатство покойнаго родителя вашего, которое нынѣ благополучно пріобщилъ къ своему — онъ, я вамъ говорю, хуже всякаго жида; онъ вотъ и теперь еще долженъ мнѣ, по частнымъ счетамъ, за 34 рецепта — ну, вѣрите ли, я пересталъ отпускать; ей Богу пересталъ, въ долгъ не вѣрю; вѣдь это казенное; я отвѣчаю за него своимъ добромъ! Я не отпускаю, а онъ и не беретъ, да такъ вотъ и живетъ слишкомъ полгода безъ лекарства, право такъ, даже ни одной ложки; я бы желалъ знать»...

— Неужто жъ ничего мнѣ не осталось изъ отцовскаго добра? — спросилъ Петруша: — неужто таки ни одной копейки?

«А подите, спросите ихъ: въ городѣ говорятъ, что ничего, одни начеты, да недостача; я ихъ не считалъ, а такъ говорятъ всѣ. О, я бы полюбопытствовалъ только... Прощайте, Петръ Яковлевичъ, прощайте!» закончилъ аптекарь, когда Петруша, не дослушавъ чего тому еще знать хотѣлось, раскланялся и пошелъ скорыми шагами впередъ.

Наконецъ, Петруша пришелъ въ домъ Мирона Степановича. Тутъ былъ онъ принятъ людьми съ какимъ–то недоумѣніемъ, съ бѣготней, суетой и перешептываніемъ. Вышелъ Миронъ, и сказалъ протяжно и вяло:

«Здравствуй, братъ, Петръ Яковлевичъ! Ну, что, наказалъ насъ съ тобою Господь, а?»

Прочія объясненія Мирона были сухи и малословны, такъ, будто тутъ не о чемъ болѣе толковать и не стоитъ по пустому словъ терять. А когда Петруша рѣшился спросить: неужто–де все пропало и я вовсе остался нищимъ? то Миронъ, усмѣхнувшись горько и тряхнувъ бородой, сказалъ:

«Да развѣ ты не слышалъ еще, что ли? Все, любезный ты мой, пропало, ничего вотъ нѣтъ, окромѣ ста сорока тысячъ долгу; мы вотъ волоса на себѣ рвемъ; кто вѣрилъ ему, такъ и свое теперь потерялъ, да и казна не что возьметъ, не съ чего. А тебя, сердечнаго, судъ ищетъ давно; ты, гляди, не попадайся!»

— Да куда же мнѣ дѣваться, Миронъ Степановичъ? со свѣту что ли бѣжать? Коли вы не защитите, такъ пусть берутъ: мнѣ нечего дѣлать; теперь вся надежда на васъ.

«Охъ, братъ Петруша, какая это надежда! мы сами живы, поколѣ Господь Богъ милостивъ — а такъ–такъ вотъ чуть покачиваемся. Я что тебѣ сдѣлаю? моя помощь какая? тутъ гляди и самъ туда же попадешь, и только».

— Помилуйте, Миронъ Степановичъ, да неужто жъ вы меня такъ и покинете?

«А что же я дѣлать–то стану? Что мнѣ, отцовскіе долги твои платить, что ли? Такъ на это, любезный мой, нашего брата не станетъ, хоть какъ ни растягивайся; вѣдь вы ему наслѣдникъ, а не я!»

— Стало быть, только и будетъ мнѣ наслѣдства, — сказалъ Петруша: — что посадятъ въ тюрьму за отцовскіе долги. Больше я от васъ не услышу ничего?

Миронъ пожалъ плечами и вздохнулъ.

— Пусть же меня посадятъ, — сказалъ Петруша спокойно: — авось тамъ хоть накормятъ; я сегодня еще не ѣлъ.

Онъ всталъ и пошелъ было: Миронъ спохватился и началъ приглашать закусить, выпить чашку чаю, поужинать, закричалъ хозяйку, и Петруша, отказавшись рѣшительно отъ всего, не успѣлъ однакоже выйти, какъ Марѳа Алексѣевна съ Парашей, — бывшія, какъ видно, не за горами, — вошли и остановили его. Мать залилась съ горя слезами, поминая покойника, а дочь, молодая вдова, стояла съ тѣмъ же безстрастнымъ лицемъ, въ ненарушимомъ спокойствіи духа, и держала въ обѣихъ рукахъ передъ собою свернутый клубкомъ платочекъ. Петруша взглянулъ на нее — все расплылось на этомъ тучномъ лицѣ и полныхъ плечахъ, немного и было тутъ пріятныхъ чертъ, но и тѣ исчезли; все испошлилось, расплющилось и слилось въ одно.

Петруша не ѣлъ еще во весь день, но ему въ этомъ домѣ корка хлѣба стала бы коромысломъ въ горлѣ; онъ отказался отъ

всего, предалъ хозяевъ суду Божію и пошелъ.

Онъ не долго думалъ, явился куда слѣдовало, и, правду сказать, съ нимъ обошлись здѣсь несравненно сострадательнѣе и привѣтливѣе, чѣмъ у своихъ. Старикъ Корюшкинъ былъ столько извѣстенъ въ городѣ и столько разъ кормилъ и поилъ всѣхъ, что полиціймейстеръ счелъ за особенное удовольствіе напоить и накормить голоднаго сына его, а самъ ходилъ въ это время подбоченясь взадъ и впередъ, подходя по временамъ къ стоявшей въ сторонѣ закускѣ и наливая себѣ, за здоровье арестанта, рюмочку.

«Ну, какъ же, братецъ ты мой» сказалъ наконецъ полиціймейстеръ: «какъ же мнѣ съ тобою быть? Ну, какъ же я тебя стану отправлять теперь въ острогъ? ну, сдѣлай ты милость, научи меня?»

— Просто, — отвѣчалъ Петруша: — прикажите связать, да и отправьте съ книжкой подъ росписку; вамъ лучше это извѣстно.

«Да нельзя, братецъ ты мой рука не подымается, ей–Богу не подымается! Ну, вѣдь я хлѣбъ–соль помню покойника Якова Ивановича; охъ, лихой старикъ былъ! только ужъ бывало весь городъ на повалъ перепоитъ, ни одного нищаго трезваго не найдешь; а ужъ объ нашемъ братѣ и не говори; бывало, не соберешь команды своей въ недѣлю; кто подъ тыномъ, кто въ канавѣ, кто безъ глазу — ползутъ бывало, ровно на масляницѣ! Баньщиковъ всѣхъ перепоитъ, никого нѣтъ и въ баняхъ, того гляди городъ сожгутъ: кто пришелъ, тотъ и парится, какъ знаетъ: самъ воды накачай, самъ дровъ подкинь.... Охъ, проказникъ покойникъ былъ!»

— Что дѣлать! сказалъ Петруша — миновалась эта пора.

«Ну, да какъ же мнѣ съ тобой–то быть? Да ты сказывай, гляди на меня, сказывай: ты уйдешь что ли?»

— Куда же я уйду? — отвѣчалъ тотъ: — уходить такъ не за чѣмъ бы и приходить было.

«Ну, такъ живи у меня покуда въ казармѣ», сказалъ полиціймейстеръ и налилъ еще рюмку. «Будь здоровъ! живи на мой отвѣтъ; а уйдешь, такъ ужъ я за тебя въ сибирку полѣзу, нечего дѣлать», и расхохотался въ честь этой остроты.

Такимъ образомъ, Петруша не попалъ въ каменный мѣшокъ, а остался на горькой волѣ, но не выходилъ никуда ни шагу, ни съ кѣмъ не видался. Не всѣ люди помнили хлѣбъ–соль Корюшкина такъ хорошо, какъ полиціймейстеръ; но не всѣ и забыли старика, не всѣ откинулись отъ сына, какъ Миронъ Степановичъ съ мачихой, и дѣло вскорѣ было рѣшено благополучно. Благополучіе это не простиралось свыше того, что Петру дана была свобода; онъ все еще оставался тѣмъ же нищимъ: но и этого было не мало. Дѣло рѣшили такъ, разсудивъ весьма основательно, что, какъ сынъ наслѣдства не получалъ и отъ него отрекается, то продать отцовское имѣніе, сколько его найдется, а сына оставить въ покоѣ.

Нашъ бѣднякъ, получивъ наконецъ рѣшеніе, сидѣлъ на крыльцѣ такъ–называемой полицейской казармы и думалъ думу.

«Надо надѣвать лямку, да идти въ бурлаки», сказалъ онъ, качая головой: «больше некуда дѣваться».

— Такъ погоди, братъ, немного, — сказалъ арестантъ, который былъ приведенъ для допроса и дожидался вмѣстѣ съ конвойнымъ своимъ тутъ же: — погоди, пойдемъ вмѣстѣ. Я эту лямку знаю и самъ туда же пойду: авось скоро выпустятъ. Славное, братъ, житье!

Петруша сталъ его распрашивать и между прочимъ спросилъ также, за что и по какому дѣлу онъ сидитъ.

«Проклятый всему виноватъ», сказалъ тотъ: «онъ меня это втравилъ. Я, братъ, скорняжилъ помаленьку въ Тулиновѣ — да на хлѣбъ не на хлѣбъ, а все хоть на вино, бывало, заработаешь. Тутъ грѣхъ попуталъ: у одного помѣщика шубу взялъ подъ сохранность — и въ цѣлости представилъ, да недостача въ мѣху случилась; баринъ

задорный такой, знать ничего не хочетъ. Ахти мнѣ бѣда какая, и тутъ нѣтъ, и тамъ нѣтъ, и заплатить нечѣмъ — туда, сюда совался, да вотъ на какого–то и насунулся сдуру, люди добрые указали, а я и послушался. Онъ — чтобъ ему ни дна, ни покрышки — еще у васъ тутъ хозяйку высваталъ передъ смертью, у нѣмца колбасника, и самъ никакъ изъ ихнихъ былъ.»

— Какъ передъ смертью? — спросилъ Петруша, — развѣ онъ умеръ, Шифбрухъ?

«Да, да, онъ и есть, Шитруховъ, померъ давно. Такъ–вотъ, ровно косой срѣзало; набили бока, говорятъ, на ярмаркѣ картежники; кто ихъ тамъ знаетъ. Такъ онъ мнѣ и настрочилъ просьбу, чтобъ, вишь, съ него же, съ барина того, поживиться, да и дѣло все испортилъ. Тутъ потянули въ судъ, да то, да другое — все съ этого пошло, да такъ дѣло запутали, что вотъ годъ и маюсь».

Петруша, какъ ребенокъ, увлекся безотчетно извѣстіемъ о смерти Шифбруха и самъ не зналъ, почему и зачѣмъ. Онъ

распросилъ еще разъ, вѣрно ли это, и получивъ утвердительный отвѣтъ, всталъ и тутъ же пошелъ къ Тофельсу, также не зная зачѣмъ, но съ какою–то рѣшимостью, будто знаетъ, что дѣлаетъ. Дорогою только пришло ему въ голову проситься въ работники къ Вилиму Карловичу, хоть за насущный хлѣбъ, и вымолить себѣ эту милость.

Въ домѣ Тофельса былъ Петруша принятъ съ криками радости со всѣхъ сторонъ и со слезами. У нѣмцевъ безъ этого не обходится. Молодая вдова была опять тутъ, у отца. Она поблѣднѣла, похорошѣла и съ виду казалась и умнѣе и спокойнѣе. Сжалился старикъ, глядя на Петрушу, который былъ въ такомъ бѣдственномъ положенiи, и Вилимъ Карловичъ, подумавъ немного, согласился дать ему на время у себя въ домѣ пристанище: но долго не могъ рѣшиться считать его работникомъ своимъ. Петруша, однакоже, съумѣлъ побѣдить сомнѣнiе и недовѣрчивость старика и вскорѣ ужился въ домѣ такъ хорошо такъ исправно

отправлялъ всѣ работы, что къ нему привыкли, будто онъ вѣкъ жилъ въ этой должности.

Черезъ нѣсколько времени, Вилимъ Карловичъ призвалъ Петра, поговорилъ еще разъ обстоятельно и распросилъ, точно ли твердая воля и намѣреніе его есть оставаться въ домѣ простымъ работникомъ и, получивъ на это утвердительный отвѣтъ, сказалъ: «Ну, коли такъ, благослови тебя Богъ; путный же ты человѣкъ» и положилъ ему съ того же дня жалованье.

ГЛАВА VIII.

Колбасникъ изъ русскихъ.

Прошло нѣсколько времени въ мирномъ спокойствіи, которое какъ будто болѣе утвердилось въ домѣ Тофельса, съ тѣхъ поръ, какъ прибылъ туда послушный и работящій сотрудникъ. Онъ жилъ тамъ

какъ односемьянинъ и благословлялъ свою судьбу. — «Было ли мнѣ когда нибудь такъ хорошо, такъ спокойно на душѣ!» думалъ онъ: «когда отца моего называли чуть не милліонщикомъ, а меня единственнымъ его наслѣдникомъ? Было только тогда развѣ, когда я забывался на часокъ въ этомъ же домѣ: но за то, какою тревогой и грозою все это окончилось!»

Время шло; Петруша все болѣе и болѣе сближался со всей семьей и въ особенности съ Розой, и все это дѣлалось исподволь, самымъ незамѣтнымъ образомъ. Старикъ отчасти видѣлъ и понималъ дѣло, косился иногда, собирался говорить, но смалчивалъ, потому что какъ–то не было особеннаго повода къ объясненіямъ, и потому еще, что онъ самъ не зналъ что бы именно такое сказать.

Однажды, это было на страстной недѣлѣ, передъ пасхой, когда спѣшная работа кипѣла въ домѣ у Тофельса, — готовили окороки, колбасы и сосиски всѣхъ сортовъ, чистили ножки и головки, варили студень, начиняли фаршемъ птицу и

поросятъ, Петруша работалъ почти всю ночь вмѣстѣ съ семьею колбасника. Работа кипѣла; на дворѣ темно и тихо, въ комнатахъ свѣтло, пріютно и шумно; воздухъ какой–то праздничный, торжественный, а Роза, въ бѣленькомъ чепчикѣ своемъ и въ короткихъ рукавахъ, очень мила, грустно весела и сострадательна. Она шутила, смѣялась съ другими, но все по временамъ призадумывалась и свѣшивала головку на бокъ. Петруша по наружности также принималъ участіе въ общемъ суетливомъ весельи, но видимо томился чѣмъ–то и вздыхалъ.

«Вотъ» сказала Роза послѣ долгаго молчанія, стоя рядомъ съ помощникомъ своимъ за какою–то начинкой: «вотъ какъ на свѣтѣ иногда бываетъ! Кто бы подумалъ въ то время, когда мы плясали еще подъ вашъ органъ, что мы будемъ жить вмѣстѣ, и что вы сдѣлаетесь нашимъ помощникомъ?»

Петруша встрепенулся и взглянулъ на нее; она съ улыбкой на него посмотрѣла, но отъ взгляда его потупила глаза и,

зарумянившись, усерднѣе прежняго принялась за свою работу. Петруша вздохнулъ и, также принявшись опять за дѣло, сказалъ вполголоса: «Ваша правда; тогда мы не знали, не гадали, что будетъ теперь; а теперь не знаемъ, что станется черезъ недѣлю, черезъ день, можетъ быть.»

Послѣднія слова были сказаны съ особеннымъ горькимъ чувствомъ. Роза невольно опять взглянула на него и спросила также вполголоса: «а что же будетъ?»

— Богъ–вѣсть что будетъ, — отвѣчалъ онъ, не поднимая глазъ.

«Да что же?» спросила Роза настойчиво и убѣдительно, послѣ молчанія: «что такое? Вы говорите такъ, будто предвѣщаете что–то недоброе.»

У Петра, глаза разъ, другой прищурились и мигнули, онъ сталъ потряхивать головой, между тѣмъ какъ руки его были прилежно заняты. — Я уйду отъ васъ, — сказалъ онъ наконецъ глухо: — нѣтъ мнѣ, видно, житья нигдѣ на свѣтѣ: то

недобрые люди выживаютъ, то отъ добрыхъ бѣжать приходится!

«Развѣ вамъ не хорошо съ нами?» спросила она съ видимымъ смущеніемъ, вызывая его на положительный отвѣтъ.

— Роза Вилимовна, — отвѣчалъ онъ, подумавъ немного: — что про это и говорить, что хорошо; сами вы знаете. Не тужу я по богатствѣ своемъ, ни по дорогѣ, на которую отецъ было готовилъ меня, — ни по чемъ; тужу я о томъ, что куда я ни кинусь, все доля моя горькая. То богатство мое выгнало меня изъ вашего дома, а теперь видно, гонитъ нищета. Нѣтъ, мнѣ у васъ житья не будетъ, Роза Вилимовна? тошнёхонько становится; что дальше, то хуже. Ни отецъ вашъ не отдастъ васъ за меня, горемыку, ни сами вы, можетъ статься, не пойдете... Стало быть, только и осталось мнѣ, что отворотиться отъ солнышка, да въ лѣсъ!

«Пересолишь, пересолишь, Роза!» закричалъ Тофельсъ, оглядываясь; «или это еще и перецъ у тебя? Что ты, дитя мое, дѣлаешь? Ты весь фаршъ испортишь!»

Болѣе въ этотъ вечеръ между Розой и Петрушей разговора не было. Они даже какъ будто обходили другъ друга и смѣялись и шутили принужденно. Мать замѣтила это и, передъ отходомъ ко сну, приняла молодую вдову въ дружескій допросъ. Роза все разсказала и умоляла мать быть посредницей у отца, склонить его къ согласію на бракъ ея съ Петромъ. «Довольно я натерпѣлась», сказала она, горько плача: «Богъ ему прости и успокой душу его; дайте жъ мнѣ пожить теперь по людски.»

Не смотря на то, что Роза была вдова и потому, казалось бы, довольно независима, ей и въ умъ не приходило сдѣлать подобный шагъ безъ отцовскаго благословенія, безъ воли его. Кратковременное замужество ея мелькнуло за нею, какъ зловѣщій сонъ; а возвратившись въ родительскій домъ, она стала опять тою же Розой, какъ была прежде. Вслѣдствіе совѣщанія родителей между собою, въ продолженіе котораго Тофельсъ передвигалъ колпакъ свой съ уха

на ухо, вставалъ, ходилъ, иногда вдругъ упиралъ обѣ руки въ бока и призадумывался, опять садился, — слѣдствіемъ этого всего было, что онъ позвалъ Петрушу на первый день пасхи, и похристосовавшись съ нимъ, по русскому обычаю, началъ такъ:

— Петруша, я тебя знаю давно и люблю. Если ты захочешь, то изъ тебя можетъ выдти порядочный человѣкъ, во славу Господню и на честь и на пользу ближняго. Выслушай меня.

«Когда я жилъ еще за границей, то я зналъ русскихъ по одному только случаю: артель русскихъ прикащиковъ возвращалась съ лейпцигской ярмарки, десятка съ полтора видныхъ ребятъ, подъ русской стрижкой, а которые постарѣе, такъ и съ бородками. Они пристали на пути въ постояломъ дворѣ, въ небольшомъ городѣ, и мы, жители, ходили смотрѣть на нихъ и разговаривать съ ними; почти всѣ они говорили по нѣмецки. Противъ трактира, хозяинъ собирался красить снаружи домъ свой, и обдумывая это

обстоятельство, совѣтовался съ архитекторами и съ двумя старшими мастерами. На этотъ разговоръ подошли и земляки ваши и вслушивались, о чемъ идетъ рѣчь; мастера просили дорого, а хозяинъ немножко горячился. Одинъ изъ русскихъ вмѣшался въ разговоръ и сказалъ, что въ Россіи взяли бы за окраску дома почти втрое дешевле. Слово за словомъ, и объяснилось, что нѣмцы, для побѣлки или окраски дома, ставятъ лѣса вокругъ всего дома, и во всѣ пять ярусовъ, точно будто его вновь строить, и что уже по этой одной причинѣ, какъ работа такъ и припасы, обходятся имъ гораздо дороже. Русскіе сказали, что по ихнему расчету нужно столько–то краски, да на столько–то посуды и щетины, а за тѣмъ нѣсколько плахъ дровъ и одну или двѣ лѣсины, на переносный костыль; расцѣнивъ все это, показали, что весь излишекъ цѣны пойдетъ за работу. Хозяинъ, не долго думавъ, приговорилъ проходящую артель снять работу; тѣ взяли задатокъ и принялись; гдѣ изъ окна плаху высунули, гдѣ кой на чемъ

подмостились, да пару подвижныхъ костылей на одной лѣсинѣ сдѣлали, смотрѣть страшно: одинъ на верху сидитъ подъ кровлей, ногами въ стѣну упирается, да отталкиваетъ, а другой внизу рычагомъ костыль подвигаетъ... О, я это очень помню; весь городъ смотрѣлъ; трубы водосточныя красили, сидя верхомъ на ведрѣ, макали подъ себя кисть и спускались по трубѣ же. Такъ–сякъ, затерли, закрасили, выбѣлили и покончили. Нѣмцы, глядя на всю продѣлку эту, дивились, и спросили земляковъ вашихъ: да вы какіе мастера, каменьщики, маляры, или штукатуры? — Нѣтъ, — отвѣчали тѣ: — мы, признаться, не то чтобы штукатуры, и не маляры; есть у насъ тутъ одинъ, что въ плотникахъ живалъ; другой есть стекольщикъ, а то мы всѣ сызранцы, сапожники!!! — »

«Вотъ видишь, другъ мой Петруша, на это земляки ваши хороши; за это я ихъ уважаю: расторопны, догадливы, поворотливы, все сдѣлаютъ; все переймутъ, да все какъ нибудь. Вотъ почему они на

такое искусство, какъ наше, не годятся. Наше званіе почетное, Петруша; наша работа смышленая, требуетъ науки, ученья, хорошихъ, основательныхъ свѣдѣній, любви къ искусству своему, прилежанія, доброй нравственности и большой аккуратности. Слушай дальше, Петруша; я опишу тебѣ нашу нѣмецкую бойню, и русскую, — а ты слушай, да самъ и разсуди послѣ.»

«Въ глухомъ и пустомъ мѣстѣ, среди вони, смрада и нечистоты, вдали отъ жилья, стоятъ сараи, сколоченные изъ барочныхъ досокъ. Это называется бойня. Внутри пусто, никакого устройства; кромѣ вторника и субботы, то есть бойныхъ дней, снаружи все также пусто и уныло; только пришлыя собаки гуляютъ среди раздолья въ окружности и стаи воронъ и грачей, каркая, перелетаютъ съ мѣста на мѣсто.»

— Правда, — сказалъ Петруша — правда.

«Постой», принялъ опять старикъ: «постой, не перебивай меня, дай мнѣ договорить. Иногда ты встрѣтишь на такой бойнѣ сторожа и нѣсколько головъ несчастнаго скота, который по чему либо не

попалъ подъ обухъ во вторникъ, и ожидаетъ смиренно на привязи субботы, безъ корма, безъ пойла, заморенный голодомъ и жаждой. Потрудись свѣсить сколько сала и мяса волъ потеряетъ въ эти предсмертные дни, и ты увидишь, что это составитъ никакъ не менѣе пуда на голову; какія цѣны ни положишь на говядину и на сѣно, все таки окажется, что хозяинъ отдалъ рубль за гривну. Стада свиней, на подножномъ корму, роются въ кровяной грязи и, будучи обращены въ плотоядныхъ животныхъ, даютъ жесткое, дурное и нездоровое мясо, которое мы поневолѣ съѣдаемъ подъ разной приправой. Когда придетъ урочный день, то скотъ спроваживаютъ поштучно на помостъ: при этомъ бѣднаго вола просятъ пожаловать на свое мѣсто какою нибудь подручной дубиной, обломкомъ оглобли, исколотятъ ему бока, ляжки, изомнутъ, для понужденія, хвостъ, и нерѣдко собьютъ одинъ рогъ. Дрожащая всѣмъ тѣломъ скотина, съ избитымъ заживо мясомъ, стоитъ на мѣстѣ, притянутая головою къ

помосту. Чтобъ теперь вознаградить отчасти утрату мяса, о которой я говорилъ, скотину не поражаютъ однимъ полновѣснымъ ударомъ обуха, а бьютъ по лбу разъ по десяти и двадцати, чтобъ отъ продолжительнаго и возобновляемаго испуга кровь застыла въ жилахъ, сгустилась и не вытекала сполна при зарѣзѣ. За тѣмъ не колютъ скотины, не вскрываютъ сонныхъ жилъ, а рѣжутъ, отъ чего кровь не такъ быстро вытекаетъ и фунтовъ пять говядины, собственно такъ называемый зарѣзъ, дѣлаются вовсе негодными для пищи. Этого мало: я видѣлъ не разъ, что два работника убиваютъ скотину, какъ живодёры, дубинами... картина отвратительная, которая безчеститъ все наше званіе!»

«Убитаго вола кладутъ на спину и начинаютъ обдирать острымъ и остроконечнымъ ножомъ; исколовъ кругомъ шкуру и выхвативъ тутъ и тамъ по лоскутку мездры, — отъ чего кожа теряетъ третью долю цѣнности своей, — начинаютъ вырубать грудину, въ лежачемъ положеніи

стегна, и все загаживается кровью и осколками костей. Тогда вынимаютъ внутренности, исколовъ и изорвавъ ихъ въ десяти мѣстахъ; обдаютъ всю тушу кровью и грязью, складываютъ внутренности въ кучу и выволакиваютъ послѣ за бойню, на сало, которое, напитанное кровью, завязывается по 3 или 4 пуда въ одинъ кутырь. Салу не дадутъ и остыть, отчего оно задыхается и вскорѣ тухнетъ. Туши сваливаются на грязную кровяную телегу, работникъ садится на нихъ и такимъ образомъ отвозитъ ихъ въ мясные ряды. Печень и другія внутренности разбираются гусачниками, въ такомъ же грязномъ видѣ; а во время поста, сваливаются на чердакъ, гдѣ это добро лежитъ горами, мерзнетъ, таетъ и прѣетъ, и наконецъ все еще находитъ покупателей, если не вовсе перегноится до мясоѣда. Воды на бойнѣ нѣтъ никогда, и она вовсе не идетъ въ дѣло, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ непремѣнно полагается на каждую битую скотину по два ушата воды, для обмывки и очистки. На мясѣ, на салѣ, шкурѣ и другихъ частяхъ,

скотопромышленники и мясники наши теряютъ отъ одного небреженія и безпорядка огромныя суммы; онѣ составляютъ на все государство, конечно, многіе милліоны. А между тѣмъ, скотъ нашъ славится, кормъ дешевле, и сбытъ, не только сала и шкуръ, но и самой даже солонины, долженъ бы доставить намъ огромную и выгодную промышленность. Теперь шкуры наши всѣ изрѣзаны, истыканы, какъ извѣстно всякому торговому человѣку; сало всегда тухлое, а мясо вовсе не идетъ въ солонину, потому что для этого не годится.»

— Все это я видѣлъ, — замѣтилъ Петруша — это правда.

«Гамбургскій и англійскій способы бить скотъ я почитаю лучшими», продолжалъ Тофельсъ: «затѣмъ слѣдуетъ бельгійскій, а французскій мнѣ менѣе нравится. Посмотрѣлъ бы ты, братъ Петруша, на любую гамбургскую бойню! Издержки на устройство ея давнымъ давно вознаградились наличнымъ барышомъ, а она стоитъ и все еще обогащаетъ умнаго,

знающаго и расчетливаго хозяина. Тутъ 50 опытныхъ подмастерьевъ бываютъ ежедневно въ работѣ; каждый изъ нихъ долженъ изучить ремесло свое и каждый былъ бы строго наказанъ и прогнанъ за одинъ только порѣзъ или проколъ шкуры, тогда какъ у насъ бываетъ ихъ пятьдесятъ на каждой. Не найдешь ты здѣсь тухлаго сала въ кутыряхъ и кровянаго мяса: тутъ идетъ вывозъ копченаго и соленаго во всѣ части свѣта. Путешественники осматриваютъ въ Гамбургѣ бойню, какъ всякое другое замѣчательное заведеніе, фабрику, заводы, — какъ въ Лондонѣ осматриваютъ знаменитую пивоварню.»

«На такой бойнѣ живутъ очень порядочные люди, и ихъ не безпокоитъ зачумленный воздухъ, духота и нечисть, которые заставляютъ здѣсь относить бойни за нѣсколько верстъ отъ города. На гамбургской бойнѣ найдете вы всѣ снаряды и устройство; тутъ удобные подъемные вороты, большіе и малые топоры, различные ножи — и все это чисто, свѣтло, опрятно; тутъ насосы и надлежащій запасъ

воды; складочныя мѣста для сала, солонины, шкуръ и прочаго — и все это въ порядкѣ; подземныя посудины, для пріема крови, а равно трубы и колодцы для стока сукровицы; котлы для выварки крови, которая вся идетъ въ дѣло; посуда для очистки и сохраненія зорной крови; соляные запасы; бочарня; сушильня, для запасныхъ бочарныхъ клёпокъ; сушильня, для кожъ и для сала; контора съ расчетными книгами; конюшня для скота и запасы корма. Когда скотъ пригнанъ съ рынка или пастьбы, то ему даютъ сутки покоя и поятъ въ волю, черезъ что кожа впослѣдствіи легче отдѣляется, мясо бываетъ чище, внутренности опрятнѣе и самая даже кровь лучше вытекаетъ изъ жилъ. Въ урочный часъ, скотину ведутъ бережно на бойню, не пугая ея и отнюдь не дозволяя себѣ побоевъ; затѣмъ ее поражаютъ мгновенно, въ одинъ ударъ обухомъ на смерть[1]. Тамъ дозволяется дать еще два добавочные удара; но кто не свалилъ вола съ разу, или принужденъ ударить его въ додатокъ болѣе двухъ разъ,

того наказываетъ старшій подмастерье, а что еще хуже, ему даютъ прозвище рѣзаки (Schneider), слово крайне оскорбительное для всякаго порядочнаго человѣка. Затѣмъ отъискиваютъ и вскрываютъ сонныя жилы, а не рѣжутъ поперегъ всю шею; отъ этого кровь вытекаетъ до капли, мясо не терпитъ отъ зарѣза, а кожа выигрываетъ въ цѣнности. Собственно боемъ скотины занимаются опытные въ этомъ дѣлѣ подмастерья, которые исключительно этимъ промышляютъ, обхаживая въ извѣстные дни всѣ бойни и получая плату съ головы. Убитая скотина кладется на спину, кожа снимается однимъ продольнымъ разрѣзомъ, отъ самой морды до хвоста; въ 30 минутъ это дѣло кончено, стегно виситъ, поднятое воротомъ, а на мездрѣ, конечно, не найдешь ты ни одного порѣза. Въ этой работѣ видѣнъ человѣкъ и можетъ себя показать: мужественный, смѣлый и ловкій малый, работаетъ такъ, что любо смотрѣть; а слабаго, неуклюжаго мастеръ прогонитъ отъ работы. За тѣмъ, все обмывается и очищается; голова и ноги обвариваются и

чистятся, мозгъ отдѣльно вымачивается, языки обмываются; поднятое стегно вытирается нѣсколько разъ мокрыми полотенцами; въ этомъ же положенiи, для удобства и соблюденiя опрятности, вынимаются внутренности, сало, гусакъ, и все это кладется не въ грязь, а на чистый столъ; все это очищается и обмывается, такъ что любо смотрѣть; все кладется на свое мѣсто и все идетъ въ дѣло. Грудь, разрубленная вдоль, распирается распоркой, все стегно внутри окачивается водой и обмывается, да сверхъ того еще окладывается мокрыми полотенцами, которыя перемѣняются, напитываясь кровью. Почки съ жиромъ своимъ остаются, для пользы и приличiя, на своихъ мѣстахъ. Затѣмъ вся бойня окачивается и вымывается водой, вся посуда и снаряды также, и всѣ окна и двери растворяются, чтобъ мясо остыло на вѣтрѣ и прочахло. Откуда тутъ взяться духотѣ! Надувать мясо тамъ запрещено, подъ опасенiемъ отдачи въ рабочiй домъ; шкура съ порѣзами была бы посмѣшищемъ для всей бойни; а кромѣ

сукровицы, да еще выкинутаго изъ очищенныхъ внутренностей, ни шерстинки не пропадетъ даромъ: кровь, копыта, черепъ, — все идетъ въ дѣло.»

«Когда начну говорить объ этомъ, у меня, Петруша, сердце обливается кровью; нѣтъ конца моему сѣтованію. Здѣсь, напримѣръ, крошатъ и терзаютъ на клочки драгоцѣнный почечный жиръ, тогда какъ повсюду за границей оставляютъ его сначала во всей красотѣ на стегнѣ, а потомъ выбираютъ цѣликомъ и продаютъ дорогою цѣною на свѣчные заводы. Здѣсь работникъ беретъ ножъ, надрѣзываетъ весь почечный жиръ мелкой рѣшеткой по всѣмъ направленіямъ и разстилаетъ его плутовской уловкой вдоль хребта по всѣмъ ребрамъ, чтобъ плохой говядинѣ дать жирный, пріятный видъ. Все обманъ и обманъ самый нерасчетливый! Половина этого дорогаго жира крошится и падаетъ въ подставленное грязное ведро, куда стекаетъ также кровь и всякая нечисть; это все идетъ въ кутырь, слеживается тамъ вмѣстѣ съ сальникомъ и тухнетъ. Такимъ образомъ

покупщикъ долженъ покупать сало вмѣсто мяса; а мясники сами теряютъ болѣе половины цѣны: мясо, напримѣръ, въ Петербургѣ стоитъ изъ первыхъ рукъ 5, 6 рублей, а почечное сало на биржѣ по 12 и 15 рублей за пудъ. Сверхъ того, хорошему работнику нужно столько же времени на то, чтобъ искусно растерзать и распластать почки, сколько и для того, чтобъ убить и очистить скотину. Если же разсудить, что въ каждомъ стегнѣ остается кругомъ не менѣе пуда почечнаго жира, остальное жъ крошится и пропадаетъ даромъ въ грязи и крови, и что въ трехъ главнѣйшихъ мѣстахъ, въ Петербургѣ, Москвѣ и Коломнѣ, бьютъ ежегодно 250, 000 головъ, то, принявъ для всей остальной Имперіи, откуда доброе сало могло бы быть сбываемо за границу, столько же, увидимъ, что у насъ на одной этой статьѣ гибнетъ ни за что, ни про что 5 или 6 милліоновъ рублей, которые ни кому не достаются и никому не приносятъ пользы, а такъ сказать зарываются въ навозъ.»

«Ну, да ладно, Петруша, полно! я хотѣлъ было показать тебѣ разницу между здѣшней мясной лавкой и лавкой въ Берлинѣ, Амстердамѣ, Гамбургѣ, Лондонѣ — гдѣ лавки эти устроены среди города, между другими богатыми заведеніями; гдѣ лавки эти такъ же благовидны и опрятны, какъ бронзовые магазины, и гдѣ отъ мясныхъ рядовъ такъ же мало духоты, какъ отъ суконной линіи — или еще меньше, потому что тутъ пахнетъ валяльнымъ мыломъ — хотѣлъ я тебѣ говорить еще много, чтобъ ты вошелъ въ себя, понялъ меня, почувствовалъ истину и важность словъ моихъ и глядѣлъ бы съ умиленіемъ на искусство наше, уважалъ бы его и себя — но это все успѣемъ сдѣлать со временемъ. Коли въ тебѣ есть чувство, Петруша, коли ты человѣкъ, то ты долженъ былъ и теперь понять меня и увидѣть, къ чему я веду рѣчь. Петруша, я уже старѣюсь — но дряхлѣю плотію, а не духомъ; у меня еще замысловъ много, я хочу привести часть свою въ порядокъ — хотя, благодаря Бога, какъ видишь, и

теперь уже слишкомъ двадцать лѣтъ лавка моя въ такомъ положенiи, что упрекнуть меня было бы грѣхъ. Тутъ, въ Тугаринѣ, двадцать лѣтъ всѣ чиновники перемѣнились раза четыре: наѣзжаютъ изъ столицы, да уѣзжаютъ — а я все одинъ и тотъ же, выдержалъ соперничество съ вашими безтолковыми живодёрами и теперь не боюсь никого: меня знаютъ давно всѣ, и самъ губернаторъ, и знаютъ, что безъ меня имъ жить нельзя; я ихъ избаловалъ. Безъ меня ихъ никто не накормитъ. Ну, Петруша, видишь ли, дочерьми меня Богъ благословилъ, а сына не далъ. Старшая дочь остается при хозяйствѣ, изъ дому не идетъ — Господь съ нею; а вторая... а что же ты думаешь о второй, о Розѣ? — Обидѣли ее судьба и отецъ, что отдали въ такiя руки, да Господь разсудилъ ее, не намъ теперь судить! Хочешь ли ты быть моимъ помощникомъ, идти вѣрно и неутомимо путемъ моимъ, взяться за мастерство наше, какъ порядочному человѣку слѣдуетъ, чтобы заставить всѣхъ

чтить и уважать себя, пріобрѣсть славу и нажить деньги?»

Петруша, какъ русскій человѣкъ, бухъ въ ноги старику и лбомъ объ полъ. Не успѣлъ Тофельсъ поднять и обнять его, расчувствовавшись, а потомъ разразиться радостнымъ хохотомъ, какъ одна половина двери начала потихоньку растворяться и оттуда показались двѣ или три женскія головы. «Сюда!» закричалъ Тофельсъ, и Роза, окропленная слезистою росой, лежа въ объятіяхъ отца, подала жениху своему руку. Петруша прижалъ ее къ груди, а самъ потряхивалъ кудрями, которыя валились въ лицо, и протиралъ глаза.

Посмотрѣли бы вы, какой изъ него вышелъ колбасникъ и какъ онъ чисто ходилъ около товара своего; въ бѣлой рубахѣ, бѣломъ фартукѣ и бѣломъ колпакѣ! Вилимъ Карловичъ оставилъ ему русскую стрижку, русскую косоворотку, но красная александрійка была разъ навсегда изгнана: все бѣлое. Вилимъ Карловичъ увѣрялъ, что никогда въ мясной лавкѣ не

можетъ быть ни порядка, ни опрятности, если на хозяинѣ не будетъ бѣлаго бѣлья.

Когда, черезъ годъ со днемъ, имущество Корюшкина продавали съ молотка, то Петруша пошелъ туда съ особенною цѣлью: онъ хотѣлъ купить столь извѣстный намъ органъ и поставить его, на память былому и на забаву грядущему, на то же самое мѣсто, гдѣ онъ простоялъ почти годъ: у Вилима Карловича въ залѣ. Петруша стоялъ, въ продолженіе шумной продажи отцовскаго имущества, печальный, но спокойный; онъ грезилъ прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ и спокойно выжидалъ очереди своему органу. Но продажа кончилась, а органа нѣтъ. Удивившись этому и спросивъ кого–то изъ старожиловъ, не слышно ли, куда дѣвался этотъ органъ, который извѣстенъ былъ похожденіями своими цѣлому городу, — Петруша получилъ отвѣтъ, что органъ у Мирона Степановича; «неутѣшная вдовушка увезла его съ собой», прибавилъ тотъ, «чай, все плачетъ да наигрываетъ!»

Петруша вспомнилъ, какъ онъ и самъ когда–то сидѣлъ и плакалъ подлѣ органа, наигрывая плясовыя пѣсни; но ему при всемъ томъ не хотѣлось уступить эту плачевную музыку Мирону, который могъ бы, казалось, удовольствоваться болѣе существенными пріобрѣтеніями, доставшимися ему, правдою и неправдою, отъ Корюшкина. Онъ отправился сгоряча къ Мирону Степановичу и доложилъ ему о желаніи своемъ имѣть на память эту вещь, которая, неизвѣстно какимъ образомъ, попала въ домъ Мирона. Кулебяка съ бородой обнялъ Петра, узнавъ, что рѣчь идетъ только объ органѣ, много шутилъ и смѣялся, и выдалъ ему музыку съ большимъ удовольствіемъ. Онъ только побожился разъ пять сряду, для очистки совѣсти, что органъ былъ подаренъ ребятамъ его.

А какая радостная встрѣча была этому органу въ домѣ Тофельса! Даже старики едва не прослезились, а Роза сказала, вздохнувъ: «А добраго нашего ютландца нѣтъ!»

В. ДАЛЬ

[A] **Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ нашихъ, у крестьянъ остался обычай, что женихъ долженъ задаривать отца невѣсты, или даже принести, по уговору, столько–то денегъ — рублей 10, 20. Деньги эти называются *кладкой,* что вполнѣ отвѣчаетъ татарскому слову *калымъ*.**

[1] **Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, стали бить скотину ударомъ ножа въ становую жилу: способъ также весьма хорошій, но требующій навыка.**